

The poster depicts a chaotic war scene. In the foreground, a soldier in tan combat gear is crouched, aiming a rifle. Behind him, another soldier in blue tactical gear stands ready. In the background, a third soldier is visible near a burning building. A group of civilians, including a woman and a child, are seen running through the smoke and debris. The top of the poster features a silhouette of a city skyline against a dark sky.

# ВСЕЛЕННАЯ АНДРЕЯ КРУЗА

АНДРЕЙ КРУЗ

ЭПОХА МЕРТВЫХ

НАЧАЛО

**Андрей Круз**  
**Эпоха мёртвых. Начало**  
Серия «Мир «Эпохи мёртвых»»  
Серия «Эпоха мёртвых», книга 1

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=181564](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181564)  
Круз А. Эпоха мертвых. Начало: Альфа-книга; Москва; 2009  
ISBN 978-5-9922-0379-0*

**Аннотация**

Любопытство и безответственность ученых, злая воля «сильных мира сего», неспособность властей отразить новую, невиданную раньше угрозу – все это привело к коллапсу власти и общества и гибели мира в том виде, в каком мы его знали. И лишь те, кто нашел в себе силы драться за себя и за других, выживают среди хаоса и кошмара, которые принесла с собой пришедшая в наш мир Смерть.

# Содержание

Пролог	4
Сестры Дегтяревы	5
Владимир Сергеевич Дегтярев, профессор	17
«Террористы»	24
Сергей Крамцов, аспирант, заместитель	29
Дегтярева	
Дегтярев Владимир Сергеевич	39
«Террористы»	42
НИИ. Охрана	44
Дегтярев Владимир Сергеевич	51
Председатель Совета директоров компании	56
«Фармкор» Александр Бурко	
Крамцов Сергей, аспирант	65
НИИ. Охрана	80
Дегтярев Владимир Сергеевич	83
Конец ознакомительного фрагмента.	93

# Андрей Круз

## Эпоха мертвых. Начало

### Пролог

Этот весенний день ничем не отличался от других. Середина марта, самое начало весны. Разве что весна была необычно теплой, и снег, и без того не слишком обильный, совсем стаял. Еще не зазеленевшие газоны расплылись грязью, лужи растеклись по тротуарам от бордюра до бордюра, вынуждая прохожих искать обходные пути, но весна пришла, она витала в воздухе, и люди, уставшие от мерзкой в последние годы московской зимы, ждали тепла. В общем, весна как весна, — предчувствие лучшего, обновление жизни. Отличался этот день лишь одним: он стал последним в череде неспешного течения себе подобных. Еще никто ничего не знал, еще ехали машины по улицам города, еще спешили люди по своим делам. Еще даже ничего не успело случиться, но все сущее, весь мировой уклад жизни уже начал разгоняться под гору, к тому последнему трамплину, откуда лишь один путь — во тьму.

К Смерти.

# Сестры Дегтяревы

*19 марта, понедельник, день*

Старшую сестру звали Ксенией, ей было девятнадцать. Высокая, темноволосая и темноглазая, она не была похожа ни на мать, ни на отца, зато удивительно напоминала портреты своей прабабки по материнской линии, актрисы театра Станиславского, игравшей почти все главные роли в военные и послевоенные годы, вплоть до своей трагической гибели в авиакатастрофе в 1962 году. Ксения училась в МГУ на факультете журналистики, куда попала почти исключительно благодаря способностям, совсем незначительной помощи своего дяди и редкой красоте, от которой млели и таяли мужчины-экзаменаторы. А невинность в глазах и нежный голос располагали к ней экзаменаторов-женщин, даже обладавших самыми черствыми сердцами.

Училась она на отделении тележурналистики, мечтая в будущем создавать репортажи в защиту животных, природы и еще чего-нибудь, заставляющие рыдать зрителей. Всякое зверье она любила безумно, и эта любовь не раз приводила к самым горьким последствиям. Принесенные кошки съедали птичек и вылавливали рыбок из аквариума. Спасенные собаки конфликтовали с кошками и время от времени устраивали погромы в квартире. Животные затем передавались в хорошие руки, чтобы освободить место следующим спасен-

НЫМ.

Впрочем, в последние месяцы в квартире установилось шаткое равновесие – новый аквариум затруднял коту лов рыбы, а хомячков было решено не покупать больше, чтобы не откармливать эту огромную пушистую черную тварь с мрачными желтыми глазами. Между собакой – помесью кавказской овчарки и еще неизвестно кого – и котом установилось некое перемирие, основанное на незлобивом характере первой и чудовищной наглости и хитрости второго. Короче говоря, коту удалось приспособить окружающую среду к своим взглядам на жизнь.

Сейчас Ксения «агитировала за советскую власть», по выражению своей матери. Речь была адресована сестре младшей, шестнадцатилетней школьнице Ане, которая животных любила, но в журналисты не рвалась, а ее жизненные планы сводились лишь к победе в большинстве кубков «Большого шлема» и дальнейшему заселению своими портретами всех таблоидов мира. Для этого она пять раз в неделю проводила по три часа в теннисной школе в Новой Олимпийской деревне, активно и старательно вбивая желтые мячики в покрытие корта. Кроме того, каждый день немного времени посвящала школьным домашним заданиям и очень много времени – стоянию голышом в ванной перед зеркалом с фотографиями Курниковой и Шараповой на туалетном столике. Каждый раз, признавая, что фигура у нее не хуже, чем у Курниковой, а лицо не хуже, чем у Шараповой, она в целом приходила к

выводу, что объединила в себе достоинства обеих и место на первых страницах журналов светской хроники лучше бронировать уже сейчас. Аня, лицом неуловимо напоминавшая как мать, так и отца, была натуральной блондинкой, среднего роста и со спортивной фигуркой.

Сестры пили чай, сидя перед барной стойкой в просторной кухне, сверкающей нержавеющей сталью, что делало ее похожей то ли на морг из американского детективного кино, то ли на командный пост звездолета из старой советской фантастики.

В эту квартиру семья Дегтяревых вселилась всего несколько месяцев назад, переехав из типовой панельной многоэтажки на Мичуринском проспекте. Отец сестер, Владимир Сергеевич, был известным в академических кругах вирусологом и половину своей трудовой карьеры провел в экспедициях, в охоте на особо редкие и особо пакостные виды заразы. Опубликовал Владимир Сергеевич немало статей и монографий, что принесло ему много славы в научных кругах и очень мало денег.

Однако несколько лет назад ему повезло. Группа, которую он возглавлял, вошла в состав смешанной российско-американской команды вирусологов. Американцы получили грант от какого-то американского же фонда, обретающегося при центре контроля за инфекционными заболеваниями в Атланте. В результате Владимир Сергеевич отправился в экспедицию не куда-нибудь, а сначала в Австралию, а потом на Гаити. Вернулся он оттуда почерневшим от загара и с новой

темой для работы, в которую погрузился с головой. И сразу же вслед за этим последовало приглашение возглавить исследовательскую группу в России, работающую по этой программе. Владимир Сергеевич думал недолго, особенно когда ему рассказали о зарплате, бонусах и иных возможностях, которые позволяли поднять уровень жизни семьи на невиданную ранее высоту.

Впрочем, чуть позднее выяснилось, что настоящим местом работы Владимира Сергеевича оказалась небезызвестная компания «Фармкор», принадлежащая не менее небезызвестному Александру Бурко – большому олигарху с наклонностями слона в посудной лавке. Именно он финансировал фонд, даром что тот американский, а сам Бурко на сто процентов наш, посконный, из-под родных осин.

Таким образом, Владимир Сергеевич въехал со своими сотрудниками в двухэтажное здание по Автопроездной улице, которое в былые времена было лабораторным корпусом одного из московских автозаводов. После того как завод пришел в упадок, немалую часть его территории раскупили другие компании, и немалый кусок отхватила некая компания «Химпродукт» – одна из бесчисленных «дочек» «Фармкора».

Место было уединенным. Въезд на него был сложным, через территорию завода, хотя сам двор примыкал к Автопроездной улице, и при желании и небольших усилиях вполне можно было организовать отдельную проходную.

Затем на новой территории появился бывший сотрудник Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний, известной еще как ФСИН, некто Оверчук Андрей Васильевич – среднего роста, плотный, с незапоминающимся лицом, но при этом наглый как танк. В настоящее время бывший «кум» Оверчук числился в рядах службы безопасности концерна «Фармкор» и занимал там отнюдь не рядовую должность. Его трудами влачившие жалкое существование дедки – вахтеры сменились на рослых ребят в черной полувоенной форме, с пистолетами и телескопическими дубинками на поясе и с самозарядными дробовиками за плечом. Затем территорию филиала заволокли рабочие, туда потянулись грузовики с оборудованием, и через шесть месяцев бывший лабораторный корпус завода, построенный из серых бетонных блоков, посеревших под дождями, и навевавший уныние своей убогостью, преобразился во вполне современное с виду здание с поляризованными стеклами в окнах и с еще более современной начинкой внутри.

Если сказать проще – такой лаборатории у Владимира Сергеевича до сего момента еще не было. Омрачало его работу там лишь регулярное присутствие Оверчука, которого Владимир Сергеевич не переносил даже на дух, подозревая в нем глубокую душевную мерзость. Впрочем, Оверчук и сам на глаза Дегтяреву не лез, появляясь на территории лаборатории не чаще чем пару раз в неделю и ненадолго, лишь приглядывая за ней вполглаза. У него и других дел хватало. Так

что рабочий процесс последние несколько лет шел спокойно.

Еще смущало то, что частная компания взялась за работу с малоизученными вирусами в черте города, не ставя, естественно, об этом никого в известность. Владимир Сергеевич знал, с какими мерами предосторожности работают те же военные биологи – его однокашник Кирилл Гордеев возглавлял такую закрытую военную лабораторию по разработке вакцин. Здесь ничего похожего на их меры безопасности не наблюдалось. Сам Оверчук уверял, что залог безопасности – привлекать как можно меньше внимания. Впрочем, работать с опасными культурами здесь тоже никто не собирался, так что слишком сильно об этом Дегтярев не задумывался. К тому же «Фармкор» единым махом подписал контракт с Владимиром Сергеевичем чуть ли не на пожизненную занятость, положил ему поистине царскую зарплату, а недавно посодействовал с получением льготного, почти беспроцентного кредита на покупку квартиры.

В результате семья Дегтяревых въехала в новенький, если и не элитный, то вполне соответствующий понятию «бизнес-класс», дом неподалеку от метро «Университет», а старая их квартира была довольно удачно продана, обеспечив маму сестер, Алину Александровну, свободными средствами на покупку мебели. Казалось, наступило благоденствие.

Однако та пылкая речь, которую сейчас произносила Ксения перед младшей сестрой, не была хвалой Дегтяреву-отцу за их улучшившуюся жизнь. Ксения открыла, что вирусоло-

ги проводят опыты на животных. Не то чтобы она не знала этого раньше, но Владимир Сергеевич больше работал «в поле», и заражали животных его коллеги. Теперь же Владимир Сергеевич стал работать в лаборатории. И однажды вечером старшая дочь задала ему как бы между делом вопрос:

– Па, а вы каких животных используете? Ну в смысле для опытов?

Погруженный в свои мысли Дегтярев, даже не осознав истинного смысла вопроса, машинально ответил, что, естественно, полный набор – от крыс до обезьян. Разговор развития не получил, но Ксения мгновенно заклеила родителя как «живодера» и «вивисектора». К тому же она имела неосторожность поделиться новым знанием со своими друзьями с факультета, по разным причинам разделявшими ее взгляды на проблему защиты прав животных. В результате вокруг Ксении образовался эдакий круг единомышленников, который не давал утихнуть страстям вокруг «живодерства» Владимира Сергеевича.

Ксения даже почти перестала разговаривать с отцом, за исключением тех случаев, когда ей нужны были деньги, в которых мать ее ограничивала. Но Владимир Сергеевич, трудолюбивый в тяжелой стадии этого уважаемого заболевания, судя по его поведению, этого даже и не заметил, тем самым лишая дочь возможности ответить ему гневной отповедью на вопрос: «Ксенечка, а что случилось?» Теперь в роли папиного адвоката выступала сестра.

– Как ты можешь его оправдывать? Он ставит опыты на животных! Ты это понимаешь? Это все равно как если бы он ставил опыты на Барсике или на Мишке! – Так звали кота и собаку. – Их ты любишь? Ведь любишь? Ты бы отдала их папочке, чтобы он заразил их какой-нибудь чумой и смотрел, что из этого получится?

– Во-первых, отец их сам любит. Барсик вообще у него на подушке спит. Не у тебя, а у него, кстати. Во-вторых, тебе известен какой-нибудь другой способ испытывать лекарства? Насколько я слышала, такого еще не придумали...

– Вот пусть и занимаются сначала изобретением способа, а потом своими диссертациями!

Аня хмыкнула:

– Мне кажется, отец защитил все возможные диссертации уже лет десять назад. Или больше?

– Значит, помогает другим защищать, своим *подельникам*!

– А ты хоть знаешь, чем они занимаются?

– Не знаю и знать не хочу! – отмахнулась Ксения. – Мне достаточно того, что они мучают животных в своей лаборатории.

Аня пожала плечами, как будто говоря: «Что с дураками разговаривать», но все же сказала:

– Насколько я знаю, они занимаются возможностью сохранения организма в длительных космических полетах без замораживания. И вообще выживанием в экстремальных условиях. Типа попал в Антарктиду – замерз. Перевезли тебя в

тепло – сам отмерз и дальше пошел. Еще куда-то попал – и опять с тобой ни фига не случилось. Что-то отключилось в организме, а потом включилось, когда надо.

Ксения фыркнула и уставилась на сестру, уперев руки в бока.

– И откуда же ты этого набралась, Курникова? Тренер сказал?

– Я в записи отца посмотрела, – невозмутимо ответила сестра. – Они у него все на столе лежат. Он статью или книгу пишет о своей работе. Возьми сама и почитай.

– И ты хочешь сказать, что все поняла? У тебя по биологии что в полугодии было? – добавив в голос столько сарказма, сколько получилось, спросила Ксения.

– Я вступление поняла, – пожала плечами Аня. – Хочешь понять остальное – читай сама, ты – умная, ты – отличница, про защиту животных скоро в телевизор попадешь. Вот иди в таком случае – и читай. Типа журналистское расследование.

– Откуда к тебе это «типа» прицепилось? – съехидничала Ксения. – От твоих дружков-спортсменов дебильных?

– Нет, из книжек, которые выпускники журфака пишут. Кстати, что такое «фак», я знаю. А вот «жур» что значит? – с притворной заинтересованностью спросила Аня.

– Ты до этого пока не доросла.

– Ну не доросла так не доросла, – легко согласилась младшая. – Мне пора.

Аня вышла из кухни, подхватила с пола в прихожей свою теннисную сумку, согнав с нее разомлевшего кота, и вышла в холл. Когда она подошла к двери, зазвонил телефон связи с охраной. Аня проигнорировала звонок, лишь обернулась вглубь квартиры и крикнула:

– Отличница! Остальные защитники прав крыс к тебе пожаловали! – и вышла за дверь.

С «защитниками» она столкнулась, выходя из лифта. «Защитников» было четверо – одна девушка и трое ребят. Девушка Маргарита и двое ребят учились с Ксенией на одном отделении факультета журналистики. Третьим был старший брат Маргариты – Семен. Впрочем, маленький и тщедушный Семен в очках в толстой квадратной пластиковой оправе, как у музыканта Моби, совершенно не шедшей к его худому остренькому личику, выглядел намного младше своей сестры. Маргарита была полновата, к тому же неудачно полновата – целлюлитные бедра образовывали «уши», которые она пыталась затолкать в слишком тесные черные брюки. Брюки «уши» не уменьшали, а, наоборот, подчеркивали, к тому же жирноватые Маргаритины бока вываливались из тесного пояса и свисали, как взошедшее тесто из квашни.

Сама Маргарита почему-то считала себя богемной особой, тяготела к «готическому» стилю, поэтому красила волосы в радикально-черный цвет с ярко-красными прядями и носила похоронно-черный мейкап, который, вкупе с длинным носом и черными же глазами навывкате, делал ее образ

просто пугающим. На факультет журналистики она попала стараниями своего папы, который вел все финансовые дела одного из центральных каналов телевидения.

Семен уже заканчивал Бауманку и был очень способным программистом. Однако применять свой несомненный талант в мирных целях ему было скучно, и однажды он настолько удачно блеснул способностями, что только благодаря вездесущему папе ему удалось миновать суд и тюрьму – гибралтарский филиал голландского банка жаждал крови и человеческих жертвоприношений.

Двое других ребят были отпрысками потомственных телевизионных семей. Дима, высокий, слегка косящий и рано лысеющий, был внуком известного в советские времена международного комментатора, а Игорь – сыном продюсера музыкального канала. В общем, вся эта компания образовалась из-за того, что Игорь – темноволосый, смазливый и избалованный девичьим вниманием – решил добиться благосклонности Ксении.

В отличие от остальных девушек Игоря Ксения не рухнула без сил перед его напором. Ксения была слишком погружена в себя и слишком себя же любила для этого. Поэтому к ухажерам она относилась несколько пренебрежительно и – пожалуй, можно сказать и так – деспотично. Не всегда даже замечая факт их наличия. В результате Игорь взялся защищать животных и окружающую среду, о судьбе которых никогда в жизни не задумывался, его друг Дима присоеди-

нился к ним потому, что он всегда присоединялся к Игорю, Маргарита числила себя подружкой Димы, и все бы осталось на уровне кухонных разговоров, если бы не Семен.

Несмотря на мирную профессию программиста, в душе Семен был пассионарием и готов был посвящать все свое время любой форме политической активности: защите ли прав животных, борьбе за социальную справедливость, истреблению ли животных и борьбе против любой формы социальной справедливости – лишь бы это пахло заговором и давало ему ощущение собственной исключительности и причастности к чему-нибудь эдакому. Поэтому, после того как Семен вошел в их круг, мысли «защитников» начали принимать довольно конкретное и уже опасное направление.

Вся компания «заговорщиков», пропустив Аню и поздоровавшись с ней, поднялась на лифте на восьмой этаж и вышла в холл. Ксения уже ждала их у открытой двери. Расцеловавшись с ней, то есть дважды чмокая воздух возле щеки, как вдруг стало принято после показа рекламного ролика «спрайта» по телевизору, молодежь зашла в квартиру.

– Чай, кофе кто будет? – спросила Ксения.

Все захотели кофе. Ксения ушла на кухню, и было слышно, как там зажужжала кофемолка. По квартире потянуло ароматом хорошего свежемолотого кофе.

# Владимир Сергеевич Дегтярев, профессор

*19 марта, понедельник, день*

Владимир Сергеевич Дегтярев стоял в лаборатории перед двойной стеной из толстого ударостойкого стекла, обрамленного металлом. С Дегтяревым были еще двое. Один молод, высок, худ, жилист и слегка сутуловат, стрижен почти наголо. Второй, наоборот, немолод, небольшого роста, в очках без оправы. Свои седоватые редеющие волосы он зачесывал назад.

Высокого звали Сергеем Крамцовым, был он аспирантом, а Дегтярев – его научным руководителем. Вторым был американец из института, принадлежащего американской же фармацевтической компании «Ай-Би-Эф», доктор Билли-тон. Он приехал поработать с Дегтяревым два месяца назад, и занимались они тем, что сводили воедино результаты, достигнутые в своих странах двумя командами ученых. Он неплохо говорил по-русски, а Дегтярев сносно объяснялся по-английски, так что обходились без переводчиков.

Сейчас они пришли в виварий «на ЧП», и вид у всех троих был весьма озадаченный. За стеклянными стенами в несколько ярусов выстроились стеллажи с большими проводочными клетками. Стеллажи разделялись стенами на отсе-

ки. В некоторых отсеках было пусто, а в некоторых в клетках сидели зеленые мартышки, привезенные из Африки. В первом слева отсеке был разгром и беспорядок. Одна из клеток была открыта, другая еще и сброшена на пол. Дверца ее распахнулась, в самой клетке обезьяны не было, зато пол под решетчатой стенкой залит кровью, и в багровой, быстро густеющей, липкой луже плавали клочки шерсти и еще какие-то куски.

Одна из обезьян, с замазанной запекшейся кровью мордой, сидела на полу неподалеку и равномерно покачивалась взад и вперед, как китайский болванчик. Вторая сидела на перевернутой клетке, но не вся. В смысле сидела она вся, но у нее на одной из рук не было ни единого клочка мяса или шерсти, и кое-как скрепленные друг с другом кости висели плетью. Еще у нее отсутствовала часть лица на черепе, точнее, вся левая его половина, которая была тщательно обгрызена с костей. Обезьяна сидела молча и совершенно неподвижно, и было видно, что подобные жуткие, скорее всего даже смертельные, раны ее совсем не беспокоят, словно и не случилось ничего.

– Так все же что произошло? – спросил Владимир Сергеевич Крамцова.

– Замки на этих клетках плохие, я уже несколько раз говорил, – ответил аспирант. – Открываются самопроизвольно. Рано или поздно все обезьяны разбегутся.

– С замками понятно, их на следующей неделе все заме-

нят, но что именно случилось?

Крамцов кивнул на ряд компьютерных мониторов, стоящих на столе:

– Посмотрите все в записи, а если кратко... В этом отсеке всего две обезьяны, обе были инфицированы. Сидят они уже больше месяца, чувствуют себя прекрасно.

– Это те самые, которые ВИЧ-инфицированные, – повернулся Дегтярев к Биллиту. – Мы пытались вытеснить ВИЧ нашей «Шестеркой».

– И что получается?

– Получается, что мы побеждаем СПИД. И не только СПИД. Все гепатиты, например, даже банальный грипп. Любые вирусные заболевания. Наш вирус не терпит вообще никаких конкурентов, особенно тех, которые вредят носителю. Если удастся довести «Шестерку» до стабильного уровня, то можем ехать в Стокгольм заранее и ждать Нобелевские премии уже там. Ну и господин Бурко станет богаче раз в десять еще. Или в сто. Извини, Сережа, и что дальше?

Крамцов кивнул и продолжил:

– Я услышал шум, вбежал в лабораторию. Одна из обезьян сумела открыть клетку, начала прыгать по отсеку, открыла вторую клетку, а затем повисла на ее открытой двери. Вторая обезьяна тоже начала беситься, и вдвоем они раскачали клетку и уронили ее с полки так, что клетка убила обезьяну, висящую на дверце. Ее рука застряла в решетке, обезьяна не смогла увернуться, и клетка упала на нее, проломила ей

грудную клетку. Если она к вам повернется другим боком, вы увидите, какая у нее рана. Все ребра сломаны, и наверняка проткнуты легкие. Вторая обезьяна испугалась и забилась в дальний угол отсека. Пока я надевал на себя защиту, намереваясь войти внутрь и навести порядок, обезьяна, которую я считал мертвой, вдруг зашевелилась.

Попутно Крамцов отматывал на экране компьютера до нужного места черно-белый ролик, снятый камерой слежения.

– Вот, смотрите с этого места.

На одном из экранов появилось изображение стоящего у стеклянной стены Крамцова в белом комбинезоне, но без шлема, на втором и третьем экранах можно было наблюдать за отсеком изнутри. Действительно, придавленная обезьяна неожиданно зашевелилась, выбралась из-под клетки, села и замерла в неподвижности. У второй мартышки она вызвала любопытство. Та медленно приблизилась к неожиданно воскресшей товарке. Но вплотную не подошла, как будто что-то удерживало ее на расстоянии. Вся ее поза выражала неуверенность. Воскресшая поначалу не реагировала на ее приближение, даже не смотрела в ту сторону. Так прошло около трех минут. Затем воскресшая молча, не издавая никаких звуков и не делая никаких предупредительных и угрожающих жестов, бросилась на вторую, вцепилась в нее, опрокинула на пол. Последовала недолгая возня, затем атакованная прекратила дергаться и растянулась на полу, а воскресшая

уселась рядом с ней, схватив за руку.

– Это... это что она делает? – спросил Биллитон.

– Она ее убила и теперь ест, – ответил Крамцов.

– С ума сойти, – словно не веря своим глазам, помотал головой американец. – Почему? В наших материалах никогда не упоминались случаи немотивированной агрессии или каннибализма. А эти мартышки вообще травоядные.

– Наши материалы – это или полевые наблюдения за людьми, или опыты на крысах, – пожал плечами Крамцов. – Может быть, вирус мутировал, а может быть, это воздействие непосредственно на психику обезьяны. А агрессия очень даже мотивированная, как мне кажется – ради пищи. Какой мотив еще нужен? Вот, вот, смотрите! Вот самое главное!

Он постучал ногтем по экрану монитора. Там происходило нечто удивительное. Одна обезьяна продолжала объедать мясо с руки второй, а вторая, мертвая к тому времени, зашевелилась.

– Видите?

Обезьяна-убийца неожиданно бросила свою жертву и отошла в сторону, сев на пол и делая глотательные движения. Вторая обезьяна тоже села и замерла. Затем начала раскачиваться вперед-назад.

– Так они и сидят уже больше часа. Ничего не изменилось. Судя по всему, обе мертвы. Тепловизор показывает, что их тела продолжают остывать, – подвел итог Крамцов.

– И что у нас получается? Вирус работает, но не совсем

в том направлении, что мы рассчитывали? – спросил Биллитон.

– Похоже на то, – ответил за аспиранта Дегтярев. – Обе были живы, несмотря на инфекцию. Были абсолютно здоровы с виду, пока одна из них не погибла в результате несчастного случая. И тут мы видим подтверждение австралийских и гаитянских басен – мертвая обезьяна «восстала из гроба», причем классически, чтобы «питаться от живых». Хотя даже у аборигенов агрессия фактами не подтверждалась, только в сказках. Как это получилось?

– Портальное сердце, скорее всего, как мы и предполагали раньше. А вообще надо их поймать. И заглянуть внутрь, – сказал Крамцов.

Биллитон внимательно посмотрел на него:

– Вы понимаете, насколько осторожным следует быть?

– Я понимаю, – кивнул Крамцов. – И я не намерен ловить обезьян в одиночку, привлеку лаборантов, наденем защиту. Кстати, я трижды выпускал усыпляющий газ в этот отсек – никакого эффекта. Похоже, что они совсем не дышат. Я даже проверил его действие в другом отсеке, с неинфицированными обезьянами, но там все сработало. Животные уснули через три минуты. А этим газ безразличен.

– Да, интересно, – вздохнул Биллитон. – Что-то подобное мы предполагали, но совсем не в таком виде и не с таким эффектом. Теперь нам надо будет разобраться, что из этого следует и как это повернуть к вящей пользе человечества. У

нас есть еще инфицированные экземпляры?

– Нет, но это несложно сделать, – усмехнулся Крамцов. – Инфицируем. И лучше начнем с крыс, обезьян мало.

# «Террористы»

*19 марта, понедельник*

– Сем, а ты уверен, что твоя бомба никого не убьет? – спросила Маргарита у брата. – Это ведь не базы данных в банках ломать, тебя папашка тогда не спасет.

Семен отрицательно мотнул головой:

– Я все измерил. Шаг бетонных плит в заборе соответствует окнам в стене здания почти стопроцентно. Пятая плита слева – как раз напротив первого окна слева в цокольном этаже. Ночью там никого не остается, окна полуподвальные. Два охранника находятся в главном корпусе, и еще один на проходной.

– А может быть, там в ночную смену кто-то работает? – снова спросила сестра.

Чем ближе к делу, тем меньше ей нравилась вся эта затея. На стадии планирования все выглядело увлекательно, но чем ближе подходило к осуществлению, тем страшнее ей становилось. Семену же было все равно, он видел перед собой лишь очередную цель и шел к ней напролом.

– Я же считал, сколько людей приходит, сколько уходит, – даже чуть возмутился брат. – В окнах цокольного этажа и свет не горит, только дежурная подсветка. Я видеокамеру на палке через забор поднял, все снял. Ошибки быть не может. И Ксения там была, ходила к папе на работу, заглядывала

в окно. Сказала, что там какая-то аппаратура и компьютеры. И, похоже, электроцит. Если все это разломать, то они долго восстанавливаться будут. И взорвется бомба даже не в здании, а снаружи. Стекла вылетят, компьютеры поломают, ущерб нанесем, и все. А то, что Ксенька предлагает, – это невозможно, мы даже во двор здания не попадем.

– Зато мы могли бы попытаться выпустить животных, а так мы можем их убить.

Говорилось это в робкой надежде, что весь зловещий план просто обратится в шутку. И все пойдут домой.

– Клетки совсем в другом месте стоят, ты же сама говорила, – слегка возмутился Семен.

– Бомба есть бомба!

– Да что ты несешь? – аж подскочил на стуле брат. – Какая это бомба? Хлопушка, из селитры с соляркой. Даже осколков не дает. Ничего не может случиться, она скорее тогда забор уронит, чем стену здания повредит.

«Защитники животных» решили перейти к активным действиям. Как всегда бывает в подобных компаниях, одержимых радикальными идеями борьбы за какую-нибудь благородную цель, рано или поздно они делают что-то, о чем потом жалеют или сами, или еще больше жалеет кто-то другой, что бывает гораздо чаще. Каждому хотелось пойти в «борьбе» немного дальше, чем другому, присутствие Семена сыграло роль катализатора, и в конце концов они решились устроить взрыв во дворе НИИ, в котором работал Владимир

Сергеевич.

Следует отдать должное «террористам»: они старались из всех сил избежать жертв, и даже нанесение ущерба представлялось не столь уж важным. Главное – сделать что-нибудь такое, что можно было бы потом обсуждать между собой и что сделало бы их причастными к чему-нибудь тайному. И, в общем, кроме Ксении, всем остальным судьба запертых в НИИ обезьян была «по барабану».

Замысел особой сложностью не отличался. Где-то в дебрях Всемирной паутины Семен выловил рецепт изготовления взрывчатки и детонатора. Купив необходимые ингредиенты, он соорудил из них то, что называется «безоболочечным взрывным устройством», весом около трех килограммов. Проблема была лишь в том, чтобы расположить это устройство напротив намеченных окон цокольного этажа здания и исключить вероятность того, что бомба взорвется в другом месте и кто-то из людей пострадает.

Вполне изящное решение проблемы пришло в голову Семену, когда он в очередной раз проезжал по Автопроездной улице. И Семен изготовил из алюминиевого уголка нечто вроде подвесной горочки с маленьким трамплином. Если ее установить на верх забора, трамплином внутрь, аккуратно положить на нее «полено» бомбы и отпустить, то она должна была упасть на землю и подкатиться прямо к необходимому окну.

Все же НИИ не был военным объектом, да и предполага-

лось, что исследования, проводившиеся в нем, никаких серьезных проблем повлечь не могут. Ну зачем врагам государства совсем не секретные материалы совсем не секретных исследований, ведущихся на международный грант, которые могут быть полезны в далеком будущем, в космической медицине например. Поэтому охранялось здание преимущественно от воров, которым захотелось бы украсть новые компьютеры, от пьяных, которые не прочь были бы помочиться за его углом, и бомжей, которые с удовольствием ночевали бы в его подвалах, будь у них такая возможность. Три охранника, вооруженных дробовиками и пистолетом, и хорошая система сигнализации, выведенная на пульт вневедомственной охраны, были вполне достаточны для таких целей. Камеры вообще наблюдали лишь внутреннюю территорию, оставляя все пространство за забором в «мертвой зоне». Вполне можно было подойти к нужному месту вдоль забора, закрепить «горку» на стене сверху и уронить на нее заряд.

– Ладно, Сем, покажи бомбу, – попросил Дима.

– Не вопрос, смотри.

Семен нагнулся и резко расстегнул «молнию» на спортивной сумке.

– Это она? – слегка разочарованно спросил Игорь. – Труба какая-то...

– Она самая. А ты что ожидал увидеть?

– Не знаю. – Игорь сделал неопределенный жест. – Бом-

бу какую-нибудь, наверное на ананас похожую, а это просто сверток.

– Правильно, потому что у такого свертка не будет осколков, – кивнул Семен. – А если будут осколки, то они могут кого-то ранить или убить, например. А форма такая для того, чтобы катилась по трамплинчику.

– А это что? – Маргарита ткнула пальцем на пару длинных пакетов, лежащих в той же сумке.

– Это и есть направляющие.

– Класс! – сказал Дима.

– Да уж, наверное, – подтвердил Семен с гордостью. П слышался звук отпираемого замка во входной двери.

– Тихо, убирайте все, – сказала Ксения. – Анька пришла.

– А что, заложит, что ли? – спросил Семен.

Вообще-то Аня Семену очень нравилась, но она относилась с настолько явной иронией и ехидством к компании «защитников животных», что Семен понимал, что, пока он с ними, вероятность завести отношения с Аней равна нулю. А хотелось бы, даже очень.

– Не заложит, но как-нибудь все испортит. Прячь, говорю! – потребовала ее сестра.

# Сергей Крамцов, аспирант, заместитель Дегтярева

*19 марта, понедельник*

Вид у шефа с Биллитом был такой, что хоть в цирк не ходи. Могу поручиться, что если бы не маски, то я увидел бы, что стоят они с раскрытыми ртами, как я совсем недавно. У меня вид был попроще, чем у руководства, но это сейчас. До этого я сам выглядел не лучше. Почему? А сами посмотрите... Мы все втроем стояли у металлического стола, к которому была привязана препарированная обезьяна. Но при этом обезьяна не была мертва, а я никак не пытался поддерживать ее жизнедеятельность. Она просто продолжала шевелиться, распахивала пасть, пытаясь дотянуться зубами до кого-нибудь из нас, и вообще не было похоже, что она собирается помереть.

Стоп, ошибка. Она была абсолютно, на сто процентов, мертва с клинической точки зрения, но это никак не сказалось на ее активности. Несмотря на отсутствие сердцебиения, дыхания и комнатную температуру тела, она была весьма энергична и стала намного агрессивней, чем была при жизни. Вскрытая грудная клетка, растянутая в стороны, опавшее и замершее сердце, и при этом – распахнутые на всю ширину челюсти с оскаленными зубами, поблекшие глаза,

кожа, там, где не была покрыта шерстью, воскового оттенка. Легкие не работали, поэтому вместо присущего обезьянам этого вида отчаянного визга она издавала время от времени слабое скуление.

– Сережа... вы нас просветите насчет того, что же мы все-таки наблюдаем, – сказал шеф, предварительно прокашлявшись.

– Боитесь, что глаза подводят? Нет, с глазами у вас все в порядке, – начал я таким тоном, как будто собирался продать им эту препарированную обезьяну. – Вы имеете возможность видеть абсолютно мертвое существо, которое при этом отказывается таковой факт признавать. При этом существо проявляет ранее несвойственную ему склонность к агрессии.

– Портальное сердце? – спросил Биллитон, почесав в затылке.

– Нет. Сначала я тоже так думал... – вздохнул я и театрально скрестил руки на груди. – Впрочем, мы все так думали и наблюдали это на первой стадии работы, но теперь все не так. После вскрытия оживленного трупа я обнаружил, что клапаны печени продолжают работать. Тогда я физически разрушил их, прекратив работу так называемого «портального сердца». Кроме того, в этой обезьяне сейчас нет почти ни грамма крови. Я ее просто откачал. Вместе с тем, как видите, она не намерена успокоиться. Если ее отпустить, она, как и подобает ожившему мертвецу, попытается нас со-

жрать. При этом она предпочтет нам обезьяну одного с ней вида. Склонность к каннибализму у нее доминирует.

– Есть теория, зачем ей это? – спросил шеф.

– Есть, – кивнул я. – Думаю, что она нуждается в генетическом материале для изменения организма.

– Она же мертвая, – деликатно напомнил мне шеф.

– Да, – кивнул я. – Но организм все равно живет, просто другим способом.

Шеф замолчал, подумал, затем кивнул:

– Согласен. Жизнедеятельность налицо. Что ты еще накопал?

Накопал я уже немало. Все же два выходных просидел на работе, не вставая. И некоторый материал уже появился.

– Я пытаюсь просто систематизировать то, что мы имеем в результате несчастного случая с обезьяной, и никак не могу закончить. Все переворачивается с ног на голову.

– Ну давай кратко пробежимся по выводам.

– Давайте, – согласился я. – Первое: мы получили вирус с очень высокой вирулентностью, чего не искали. Заражение может произойти любым путем, вплоть до воздушно-капельного. Достаточно просто находиться рядом, и ты инфицирован. Обезьяна в клетке, которую я подносил к обезьяне-зомби, уже инфицирована, я взял анализы крови. При этом нет никаких признаков болезни, вирус ведет себя крайне неактивно. Тогда я снова взялся за крыс и, чтобы не возиться и не мудрить, просто впрыснул четырем крысам подкожно кровь

обезьяны-зомби.

– Откуда такая вирулентность? И что получилось?

– О вирулентности... Вот изображение вируса... – Я покликал мышкой на экране монитора, выведя изображение чего-то, напоминающего цифру 6. Поэтому и вирус мы прозвали «Шестеркой». Решили, что называть «Девяткой» – много чести. – Видите эти волоски? Раньше их не было, а теперь вирус «полетел», чего раньше за ним не наблюдалось. А по поводу впрыскивания крови мертвой обезьяны живым крысам... Получилась неожиданность. Все крысы умерли в течение часа и через пять минут восстали из мертвых. Они не проявили никакого интереса друг к другу, но, когда рядом с их клетками я поставил клетки с живыми крысами, зомби впали в агрессию.

– Живые крысы инфицированы? – уточнил шеф.

– Именно! – подтвердил я. – Инфицированы все до одной, но помирать не собираются и чувствуют себя прекрасно! Никаких признаков какой-либо болезни. Более того, две крысы были из числа «гепатитных», и теперь вирус гепатита у них явно находится в подавленном состоянии. «Шестерка» уничтожает заразу. Тогда я сделал следующее: запустил в клетку к крысе-зомби живую крысу. Зомби намного медленней живой крысы и явно слабее, но у живой крысы началась настоящая паника, она даже не могла обороняться. Как будто все ее оборонительные инстинкты дали сбой, в них не заложена схема обороны от ожившего трупа.

Я дал шефу с Джеймсом полюбоваться на видеозапись мечущейся по клетке белой крысы. Вторая крыса неуклюже преследовала ее, переваливаясь с боку на бок.

– Возможно, – поджав губы, произнес Биллитон. – И что было дальше?

– Крыса-зомби сумела все же отхватить изрядный кусок мяса с живой крысы, – продолжил я. – Рана не была смертельна, я рассадил крыс снова в разные клетки, а раненой крысе даже сделал перевязку. И она умерла примерно через час. И через пять минут воскресла. Повторный опыт с этой мертвой крысой и крысой живой дал другой результат – живая крыса отбивалась и даже напала на мертвую, сильно ту покусав.

– И тоже умерла? – спросил Дегтярев.

– Именно, – подтвердил я.

Шеф помолчал, переваривая информацию, затем сказал:

– То есть получается, что заражение, произведенное воздушно-капельным путем, делает особь просто носителем. Даже ведет к улучшению состояния. А заражение, когда вирус попадает непосредственно в кровь, ведет к смерти и последующему оживлению?

– Именно так. Похоже, что ударная доза чужого вируса, уже измененного под конкретного носителя, попавшая прямо в кровь, вырабатывает токсин. И он убивает, а дальше включается механизм оживления. Кофе будете?

Я подошел к кофеварке и включил ее.

– Нет, спасибо, потом ночью не усну, – покачал головой Дегтярев. – Я лучше покурю здесь у тебя, не возражаешь?

Как всегда. Я не курю и дым на дух не переношу, но шефу отказать не могу. Не потому, что он шеф, а потому, что он мне по-человечески очень нравится. Уважаю я его. А если бы кто другой в моей лаборатории курить вздумал – вылетел бы отсюда в два счета. Я даже Оверчука дважды выставлял с сигаретой.

– Что с вами сделаешь, курите.

Я достал из шкафа желтую пластмассовую пепельницу с логотипом сигарет «Кэмел», которая хранилась у меня специально для таких случаев, и выставил на стол. Откуда она здесь взялась – сам не знаю. Исторически сложилось. Дегтярев щелкнул зажигалкой, прикурил и выдохнул дым в сторону от меня. И за то спасибо.

– Давай, Сережа, продолжай.

– Продолжаю, – кивнул я, разогнав дым рукой. – Именно так и получается. Тогда я, к стыду своему, взял грех на душу и впрыснул одной из инфицированных, но живых крыс раствор мышьяка. Угадайте, что получилось?

– Крыса умерла и воскресла?

– Именно так, – подтвердил я, после чего заявил: – То есть мы имеем ситуацию, что если вирус вырвется за пределы этой не слишком хорошо охраняемой лаборатории, то он вызовет гибель всей человеческой цивилизации.

– Гхм... ты уверен? – чуть не подавился дымом шеф. –

Очень уж радикальный вывод.

Вывод куда как радикальный, надо объяснять. Попробую.

– Я не уверен, разумеется, опыты на людях я не ставил, но полагаю, что, если воскресшие обезьяны нападают на живых обезьян с целью их съесть, если воскресшие крысы нападают на живых крыс с той же целью, то и что-то подобное может произойти с человеком.

– С этим согласен, – кивнул Дегтярев. – И что?

– А возможность инфицироваться, просто находясь рядом с зомби, составляет почти сто процентов, вы понимаете? – Я сделал некий жест, долженствующий изображать полет. – Вирус летает в воздухе, он буквально испаряется. Как будто таким образом поддерживает свою популяцию в организме не выше некоторого предела, который полагает для организма безопасным.

– И?..

– И тогда любой мертвый восстанет, необязательно даже быть жертвой нападения. Жертва аварии, жертва несчастного случая прямо в «скорой помощи» и так далее. Любой инфицированный. И нападет на живого, а живой заразится непосредственно от нападения, вскоре умрет, восстанет и так далее. Фильмы ужасов отдыхают.

Дегтярев вздохнул, помолчал, глядя на свое отражение в темном стекле окна. Во дворе уже ночь была. Затем сказал:

– Знаешь, это возможно. Опасность в том, что вирус не вызывает болезни у переносчика. Сначала переносчик дол-

жен погибнуть, чтобы «темная сторона» вируса себя проявила. А пока он жив, то и жаловаться ему не на что. Он ведь даже гриппом болеть не будет.

Ну вот, долго объяснять не потребовалось. Шеф быстро соображает, понял, в чем настоящая проблема.

– Именно так. В этом и опасность, – продолжил я. – Будь моя воля, я сейчас уничтожил бы все образцы этого модифицированного нами вируса. Пусть останется тот, который мы нашли в экспедиции – нулевая вирулентность, содержится исключительно в организме некоторых глубоководных рыб, и даже если ты рыбу съешь, то все равно не заразишься. Начнем работать заново, от отправной точки.

Если честно, то у меня волосы на голове последние сутки шевелились не останавливаясь. Я просто представил себе, что же это такое. Эта зараза может распространиться по всему миру, и никто даже тревогу не поднимет. Представьте себе одну из великих пандемий прошлого, хоть ту же «испанку», благо ее природа тоже вирусная. Люди болели и именно поэтому с ней боролись, как могли в то время. А теперь представьте, что люди не болели, а наоборот, лучше себя чувствовали. Кто-нибудь стал бы бить тревогу? Сомневаюсь. Весь мир бы спокойно заразился. А затем начали бы подниматься мертвые, чтобы «питаться от живых». И тогда бороться с вирусом было бы поздно. Почему? А он уже у всех у нас внутри.

– Это не так просто, – подумав, сказал шеф. – Он есть у

американцев, например. Программа международная, и даже если мы уничтожим образцы здесь, то это мало что изменит. А вот поднимать тревогу надо, в этом ты полностью прав. Этот НИИ совершенно неприспособлен для работы с опасными инфекциями, нет ни требуемых мер безопасности, ни охраны. Я завтра же выйду на наше руководство и потребую перевести дальнейшую работу в место, где меры безопасности выше. А сейчас мы ничего дополнительно сделать не можем. Что мы еще знаем?

– Примерно то же, что знали раньше, – ответил я. – Но есть нечто интересное. Когда из поля зрения крыс-зомби исчезла потенциальная добыча, две из них как будто продолжали искать ее, а затем впали в некую кому. Две других вели себя пассивней и впали в летаргию сразу. Однако стоило поблизости появиться живым крысам из числа инфицированных, и они снова начали оживать. Я пересадил крыс-зомби в одну клетку и запустил туда крысу из числа инфицированных. И они ее съели, не оставив почти ничего, но даже то, что осталась, ожило. От нее осталась голова и треть туловища, ни одной лапы, вся кровь вытекла, но она все равно ожила.

Дегтярев кивнул, как бы подтверждая, что усвоил информацию, затем спросил:

– Самый, возможно, важный вопрос: как убить зомби?

Верно, до этого должно было дойти. Как убить то, что уже давно мертво? Звучит странно.

– Я пытался сделать это несколькими способами, – отве-

тил я. – Ни яд, ни травматические повреждения на них не действуют. Удалось достигнуть результата двумя способами – разрушение мозга и удар электричеством. В первом случае я просто пробил череп крысы шилом, во втором – поднес к животному электроды и дал сильный разряд.

– Не воскресли заново?

– Нет. – Я даже сделал жест некоего свертотрицания. – Я не стал забрасывать их в печку пока, продолжая наблюдать, но они стали самыми обычными трупами.

– То есть поражение центральной нервной системы, и все? – уточнил Дегтярев.

– Да, только центральной нервной системы, – кивнул я. – Повреждения позвоночника вызывают частичный паралич, как и у живых, разве что зомби, судя по всему, дискомфорта от этого не испытывают. Просто часть тела отключается. В общем, оживший труп все же можно убить, но с большим трудом.

– Ладно, заканчивай свой отчет, и пошли по домам, – вздохнул тяжело шеф. – А лучше – просто пошли по домам, поздно уже.

– Может, вы и правы, – согласился я. – Я скопирую отчет на диск и закончу его дома.

Я уже на стенки от усталости натыкался, надо бы поспать. А потом можно и отчет закончить.

– Правильно, давай.

# Дегтярев Владимир Сергеевич

*19 марта, понедельник*

Дегтярев затушил сигарету и вышел из лаборатории. Выводы, изложенные Крамцовым, действительно поражали. Вот так, совершенно неожиданно, они получили биологическое оружие, небывалое по своим характеристикам, апокалипсис, судный день в чистом виде, в самых ужасных его формах. Владимир Сергеевич религиозную литературу не читал, но нечто насчет «... и мертвые восстанут из могил» все же откуда-то помнил. Как раз тот самый случай. И это в исследованиях, имевших самую мирную направленность. Владимир Сергеевич вовсе не был ученым-маньяком из кино, готовым на все для продолжения исследований. Он даже не против был прямо сейчас уничтожить полученный вирус, прозванный «Шестеркой», но теперь это ни к чему бы не привело. Остались отчеты, осталась документация по его модификации, остались образцы нового штамма в других лабораториях, работающих по этой программе. Скрыть результаты, полученные здесь, теперь даже опасней, чем опубликовать их в открытой печати. Слишком много людей уже посвящено в то, что происходит здесь.

Дегтярев выкурил еще сигарету, глядя в окно своего кабинета. Он принял решение. Завтра с утра он официально затребует от своего руководства перевода дальнейших работ

по «Шестерке» в место с повышенными мерами безопасности. Если же его начальство не сочтет необходимым принять такие меры, он, Дегтярев, открыто передаст свои выводы по экспериментам военным. Контакты у него имелись, и кое-какие предварительные шаги втайне от своего нового руководства он предпринял заранее.

Военные, разумеется, не самые лучшие партнеры для работы и, скорее всего, заберут всю работу по программе себе, наглухо перекрыв к ней доступ другим, но они гарантированно переведут исследование в такое место, где безопасность проекта будет обеспечена на сто процентов. Лаборатория в закрытом городе Горький-16, в просторечии именуемом «Шешнашкой», – именно такое место.

Владимир Сергеевич взял свой портфель со стола, вышел из кабинета, запер за собой дверь и спустился вниз. У стойки, за которой сидели двое охранников, он столкнулся с Крамцовым, сдававшим ключи от лаборатории.

– Закончил, Сережа?

– Да, отчет дома допечатаю.

– Хорошо. С утра ты мне его сразу на стол. Ты прав, меры надо принимать немедленно. Пойду с твоим отчетом к начальству.

– А начальство отреагирует?

– Если пообещаю передать материалы в «Шешнашку», то отреагирует, никуда не денется.

– Да, это подействует.

Ученые вышли из трехэтажного здания института во двор. Уже стемнело, но вечер был необычно теплым для середины марта. Дегтярев, продолжая наслаждаться неожиданно возросшим благосостоянием, год назад прикупил себе уже вторую «вольво», на которой и ездил теперь, а у Крамцова рядом с машиной начальства прямо во дворе института был припаркован пожилой, но ухоженный «Форанер» скромного серого цвета, с багажником на крыше и на высоких колесах, выдававших любителя внедорожной езды.

– Ладно, до завтра, Сережа.

– До завтра, Владимир Сергеевич.

# «Террористы»

*19 марта, понедельник*

– Не дотягиваюсь я до верха, блин! – прошипел Дима, пытаясь надеть сооруженный Семеном «трамплинчик» на вершину институтской стены. – Раньше подумать не мог об этом?

– Я подумал. Завязывай с истерикой, лучше подними меня, я надену, – так же прошептал Семен.

В темноте возле забора раздалась тихая возня, затем Дима поднял к верху забора сидевшего у него на плечах щуплого Семена. Что-то металлически заскребло по бетону, и от верха забора во двор института протянулись две изогнутые металлические планки, как крючки огромной вешалки.

– Опускай. Теперь бомба.

Вновь послышалась возня, вжикнула застежка «молния», затем Семена вновь подняли. В руках у него была «колбаса» взрывного устройства. Из нее сбоку свисал длинный фитиль, изготовленный из веревки, пропитанной селитрой. Горел такой фитиль намного медленней стандартного огнепроводного шнура, и имеющийся отрезок его, длиной почти в метр, давал возможность далеко убежать, до того как бомба взорвется. Семен щелкнул зажигалкой, фитиль загорелся с тихим шипением, огонек медленно пополз к бомбе.

– Роняю.

– Давай. Опускать тебя?

Бомба прокатилась по направляющим и с увесистым шлепком упала на асфальт с той стороны забора.

– Опускай, – прошептал Семен сверху. – Смываемся. Сумку не забудь.

– Давай держись. Опускаю.

Семен прыгнул с плеч Димы, подхватил с земли сумку, в которой принесли бомбу. Затолкал в нее снятые со стены самодельные направляющие. Теперь все, следы заметены.

– Все, уходим, – сказал Семен.

– К машинам? – глупо уточнил Дима.

– А куда еще? – прошипел Семен. – Валим отсюда!

# НИИ. Охрана

*19 марта, понедельник*

Николай Минаев работал в службе безопасности «Фармакора» уже больше четырех лет. Начинал как охранник, а затем стал телохранителем у одного из членов Совета директоров концерна. Служба телохранителем была беспокойной, и вовсе не потому, что его клиенту кто-то угрожал, а потому, что была ненормированной, беспорядочной и утомительной. Поэтому недавно он попросился на другую должность и возглавил дежурную смену в НИИ.

Он и еще двое охранников заступили на дежурство в восемь вечера. Один из них, Ринат Гайбидуллин, дежурил на проходной, выходящей на территорию автозавода, а сам Николай и второй его подчиненный, Олег Володько, сидели в застекленном аквариуме в вестибюле института и следили за изображениями с доброго десятка камер слежения, которыми оснастили здание НИИ после того, как оно перешло в новые руки. Туда же, на пульт, были выведены каналы сигнализации, оттуда же осуществлялась связь с ближайшим отделением милиции.

– Коль, а что это такое? – Олег Володько постучал пальцем по экрану, который показывал проход между задней стеной здания НИИ и забором. На земле лежал какой-то предмет, которого там раньше не было.

– Не пойму что-то... Ни на что не похоже. Может, бумагу ветром принесло?

– Нет же ветра. Тряпка... нет, не пойму. Пойти посмотреть?

– Да не мешало бы. Ладно, лежит, жрать не просит, все равно в обход через сорок минут, тогда и глянешь.

– Ладно.

Возможно, это была и ошибка, но, скорее всего, Володько не успел бы что-нибудь предпринять с валяющимся возле здания свертком. Фитилю оставалось гореть совсем чуть-чуть. Сам фитиль через камеру наблюдения виден не был, и тонкую струйку прозрачного дыма от него тоже не разглядишь, потому что разрешение черно-белой камеры слежения на такие мелочи не рассчитано.

Взрыв раздался через минуту и тринадцать секунд после того, как Володько заметил бомбу на экране. Три с половиной килограмма самодельной взрывчатки на основе селитры выбили все окна вместе с рамами в цокольном этаже здания, но окна второго этажа уцелели, лишь некоторые треснули, потому что в них вместо обычного стекла стоял, в целях безопасности, триплекс.

Бетонная плита забора, выходящего на Автопроездную улицу, рухнула и раскололась, открыв доступ во двор института и выход из него куда угодно. Взрывная волна снесла со своих мест всю аппаратуру в двух лабораториях, уничтожила все компьютеры, перевернула столы. Как и рассчиты-

вали «террористы», виварий с животными остался неповрежденным, разве что выбило стекла в окнах и в одном месте сорвало решетку с окна. Но произошло то, о чем Семен с друзьями не думали совсем: взрывная волна сорвала с места и опрокинула шкаф с распределительными электрическими щитками, и два оборванных кабеля сомкнулись между собой. Именно эти кабели вели к блоку дистанционного управления замками во всех отсеках вивария: с инфицированными животными, с зомби и с просто живыми. И все двери до единой открылись. В обоих контурах безопасности. Случилось то, чего случиться не могло. Шанс, что так выйдет, был один на миллион, и именно он выпал сегодня.

Затем в здании погас свет, а резервное освещение не включилось, потому что запасной генератор стоял в той же комнате цокольного этажа, где и шкаф-распределитель, и он был непоправимо поврежден взрывом.

Во всем здании с потолка сыпалась штукатурка, по всем коридорам пронеслась волна пыли.

– Мать твою! – Николай Минаев нырнул за стойку пульта.

Сработали инстинкты, приобретенные в Чечне. Олег оказался рядом с ним.

– Что это?

– Взрыв у нас, – заявил Николай. – Проверь Рината, как он, хотя взорвалось с другой стороны. Вызывай всех подряд, я проверю, что делается. Затем идите с Ринатом в обход по территории, посмотрите, что там и как, встречайте ментов и

пожарных.

– Понял.

Николай вытащил из ящика стола длинный тяжелый фонарь, которым при желании можно было пользоваться и как дубиной, зажег его. Луч с трудом прорывался через завесу пыли. Скорее по привычке, чем по необходимости, он расстегнул кобуру с пистолетом и положил на него руку.

– Я пошел. Связь по рации.

Володько уже вызывал Рината. Николай вышел из-за стойки, пересек вестибюль. Под подошвами тяжелых ботинок хрустела штукатурка, осыпавшаяся с потолка. Минаев посветил фонарем вверх и увидел, что местами вместо белого потолка виднелась деревянная дранка. Здание было старым, и перекрытия между этажами были деревянными. Хорошо, что пока пожара не было.

Начать осмотр он решил с цокольного этажа, где были лаборатории. Он справедливо полагал, что то, что охраняется лучше всего, должно быть проверено в первую очередь. Лестница в цокольный этаж вела прямо из вестибюля, всего один пролет. Дверь туда была заперта, но у Минаева были ключи. Он отпер ее, открыл, зашел в коридор полуподвала. Там пыли было намного больше, видимость в свете луча фонаря была метров пять. Зато слышимость была хороша, и то, что Николай услышал, больше всего напоминало ему фильм про джунгли. Орали обезьяны.

Обезьян Николай не то чтобы не любил, но и доверял им

не очень. Странный зверь, привезенный непонятно откуда, крикливый и бестолковый. Что-то мелькнуло у Николая почти под ногами, и он уронил туда луч фонаря. Крыса бежала вдоль коридора, причем ее спинка в свете луча отливала ярко-красным, а за ней оставался кровавый след. Крыс Николай терпеть не мог, и его брезгливо передернуло. Но все же он пошел вперед, дальше.

Больше всего его беспокоило, не начинается ли где-нибудь пожар. Мебель в лабораториях была деревянной, да и кто знает, какой химией товарищи ученые пользовались? И у генератора есть запас солярки. И сам генератор запустить неплохо было бы, хоть он должен был включиться сам. А животными пусть занимаются те, кому положено ими заниматься.

Ущерб на этом этаже был немал. Пара дверей были выбиты взрывной волной и лежали в коридоре, под ногами хрустело стекло с потолочных плафонов. Однако металлические двери справа были целы, и даже печати на них уцелели. Там хранились в герметичных специальных шкафах «культуры», и именно это помещение следовало охранять с особым тщанием. Николай вздохнул с облегчением: комнаты с «культурами» уцелели. Снова в свете фонаря пробежала крыса, затем за ней еще одна, в пятнах побуревшей крови, и двигалась она медленно и как-то странно, неуклюже, раненая, наверное. Обе не обратили на Николая ни малейшего внимания.

В комнате слева от коридора визг обезьян неожиданно

усилился и превратился в настоящую истерику.

– Чего разорались? – рявкнул Николай, скорее для того, чтобы подбодрить самого себя, чем заставить обезьян замолчать.

Они и не замолчали. На поясе у охранника висела телескопическая дубинка, и он вытащил ее из чехла. Минаеву не нравилось, как орали обезьяны, и он решил, что если что, то разгонит их дубинкой. Он толчком раскрыл до конца приотворенную дверь и вошел в темный зал лаборатории. Повел фонарем слева направо и обратно. Обезьян в комнате было много. Почему-то были открыты все автоматические двери в виварий, хотя, насколько Минаев помнил, они должны были блокироваться в случае каких-то проблем. Уже нехорошо, что-то пошло не так, как следовало. Обезьяны сидели на столах, шкафах, смотрели куда-то вниз и орали как резаные. Внизу, на полу, были еще обезьяны, некоторые из них явно выглядели тяжелоранеными, хотя при этом на первый взгляд их это не слишком заботило.

– И чего? – спросил Николай сам себя и вдруг почувствовал, как в правую его руку, в которой была зажата дубинка, вцепилось что-то острое. Он посмотрел вниз и увидел буквально повисшую у него на руке обезьяну, вцепившуюся зубами в его плоть. Кровь текла по ладони, стекая прямо на ее оскаленные зубы.

– Ах ты, сука!

Удар тяжелого фонаря проломил обезьяне череп, и ее

труп свалился на пол. Крик в лаборатории усилился, так что у Николая уши заложило. Он глянул на руку – не слабый укус, кровь изрядно течет, хотя могло быть и хуже. Все же это не горилла, маленькая мартышка, и клыки у нее мелкие. А в зале лаборатории вдруг началась суeta. Две из сидевших на полу обезьян бросились на своих товарок. Те заорали, заметались по столам и шкафам. Одна из нападавших обезьян сумела вцепиться убегавшей в шерсть и начала яростно кусать свою визжащую и вырывающуюся жертву.

– Да провалитесь вы! – заорал Николай, выскочил за дверь, захлопнув ее за собой.

Не хватало еще, чтобы еще какая-нибудь из этих рехнувшихся от взрыва обезьян в него вцепилась. И вообще, ему была нужна аптечка из караульного помещения. Следовало продезинфицировать рану и перевязать. А вообще, по-хорошему, попозже надо бы и врачу показаться. Если только тот не пропишет курс уколов от бешенства – этого для полного счастья не хватало.

# Дегтярев Владимир Сергеевич

*19 марта, понедельник*

Владимир Сергеевич пил чай у себя на кухне, читая материалы по последним наблюдениям, когда зазвонил телефон. Звонил Оверчук. Владимир Сергеевич выслушал безопасника, мрачней лицом с каждым его следующим словом.

– Черт, черт, черт!

С этими словами Дегтярев бросился одеваться. Он толком не понял со слов Оверчука, что случилось, но точно знал, что ничего хорошего случиться не могло. Эта жуткая зараза внутри превращала здание института в угрозу всему живому, и любое происшествие могло лишь ухудшить положение. Надо было уже сегодня бить тревогу, когда стало ясно, что новый штамм «Шестерки» – это воплотившийся в реальность кошмар.

– Володя, куда ты? – остановила его, судорожно впрыгивающего в штанину, жена.

– Алина, кое-что случилось, меня вызвали. Мне надо на работу.

– Когда вернешься?

– Не знаю. Я позвоню.

Владимир Сергеевич несколько раз набрал телефон поста охраны со своего мобильного телефона, но там никто не отвечал.

– Володя, что случилось?

– Алечка, не знаю. Что-то взорвалось в здании института.

– Это может быть опасным?

– Не думаю.

В кухню зашла Ксения и как-то странно посмотрела на отца. Владимир Сергеевич перехватил ее взгляд, спросил:

– Что случилось, милая?

– Ничего, все нормально.

Ксения подошла к окну, встала у него, глядя на здание МГУ. Дегтярев же выбежал из квартиры, вызвал лифт и через минуту уже бежал по темной улице к подъехавшему черному «Гелендвагену» Оверчука. «Безопасник» сам заехал за директором института. А еще через двадцать минут они подъехали к воротам НИИ. Обычно Оверчук въезжал во двор, равно как и остальные сотрудники, но ворота были с электрическим приводом, а электричества у института не было. Пришлось оставить машину у ворот. Возле них стояли уже несколько милицейских машин с включенными проблесковыми маячками, былолюдно. Но на территорию института милиция пока не заходила.

Слева от ворот, в круге света от уличного фонаря, питающегося не от институтской сети, мелькнула какая-то быстрая тень. Дегтярев остановился и почувствовал, как сердце оборвалось и провалилось куда-то в желудок. Спутать пробежавшее животное с чем-то другим было невозможно. Это была обезьяна из институтского вивария. Дегтярев бросил-

ся в ту сторону, но животного уже и след простыл. А на асфальте остались капельки крови.

– Черт... черт... черт... Только не это!

Дальше Владимир Сергеевич бежал со всей возможной скоростью. Оверчук остался с милицией. Дверь в проходную была открыта, и в ней стоял Ринат Гайбидуллин. Дегтярев подбежал к нему, спросив еще на бегу:

– Что случилось?

– Нам бомбу подкинули, кажется. Минаев сказал, что взорвалось между забором и задней стеной, много поврежденных.

Ринат выглядел растерянным, пальцы нервно теребили ремень висящего на плече самозарядного дробовика.

– Где сам Минаев?

– Во дворе, – махнул рукой охранник. – Осторожней, там темно, электричество вырубилось. Внутренние телефоны тоже, а городские работают.

– Я понял.

Дегтярев пробежал через проходную во двор и почти сразу же столкнулся с Николаем Минаевым. Тот уже успел продезинфицировать след от укуса и перевязать ладонь бинтом из аптечки.

– Коля, что случилось? – окликнул его Дегтярев.

Минаев вкратце, но толково рассказал Дегтяреву все, что знал, опустив лишь эпизод с нападением обезьяны. Дегтяреву сейчас было не до того, чтобы еще принимать жалобы на-

чальника смены охраны, а сама рана болела едва-едва.

– А Володько где? – спросил Дегтярев, вспомнив, что не видел еще одного охранника.

– Охраняет пролом в заборе.

– Какой пролом? – не понял ученый.

– Забор рухнул, две плиты, к нам теперь вход и выход свободный.

Дегтярев даже покачнулся, поняв, что периметр вокруг института нарушен окончательно.

– Коля, скажи мне вот что... животные разбежались? – с затаенной надеждой спросил он, надеясь на отрицательный ответ.

– Да, – опустил его на землю Николай. – Мы смотрели со двора, там одно окно выбито вместе с решеткой. Когда мы туда подошли, последняя обезьяна ускакала в пролом. А вы разве не слышите?

Владимир Сергеевич прислушался и вдруг понял, что за звук так беспокоил его все время, с тех пор как он вышел из машины, но мозг отказывался его воспринимать. Кричали обезьяны. И все были слышны откуда-то издалека.

– Коля, ты был внизу, в лаборатории?

– Сразу же после взрыва.

– Что было в виварии?

– В виварии открылись все двери. Наверное, когда отрубилось электричество, блокировки сработали неправильно или еще что. Крысы и обезьяны разбежались по всему подвалу.

Обезьяны дрались как бешеные, затем начали выскакивать в окно. Там весь оконный проем и земля перед ним кровью заляпаны. Совсем рехнулись после взрыва.

– Спасибо, Коля.

Минаев пошел к проходной, а Владимир Сергеевич извлек из кармана телефон и набрал номер Крамцова.

# **Председатель Совета директоров компании «Фармкор» Александр Бурко**

*19 марта, понедельник, ночь*

Председатель Совета директоров компании «Фармкор» Александр Бурко, несмотря на репутацию бескомпромиссного дельца, идущего по головам, в жизни выглядел совсем по-другому. Среднего роста худощавый человек в очках без оправы, с тонким и вполне интеллигентным лицом, очень и очень нетипичным для российских олигархов. Примерный семьянин, муж очаровательной тридцатилетней женщины, искусствоведа по специальности, и отец двух девочек, трех и пяти лет, он обладал недюжинной фантазией и нестандартностью мышления, что и привело его на вершину фармацевтического Олимпа.

Его личное состояние исчислялось теми цифрами, которые заставляют редакторов журнала «Форбс» включать обладателей таких состояний в список пятисот богатейших людей мира, и в этом списке Александр Бурко числился уже два года. Несколько фармацевтических фабрик, разбросанных по России, СНГ и зарубежью, приносили ему более чем достаточный доход, позволявший иметь частный самолет «Гольфстрим», настоящее поместье по Рублево-Успен-

скому шоссе, такое же поместье на Британских Карибах и еще одно, поменьше, но и подороже, на мысу Антиб, что на Лазурном Берегу. В прошлом году он начал строительство усадьбы в Сочи, а во Франции стал обладателем тридцатиметровой моторной яхты «Азимут», что, впрочем, совсем не рекорд для людей с его состоянием.

Сейчас Бурко выслушивал своего начальника службы безопасности, бывшего генерал-майора МВД Пасечника.

– Александр Владимирович, – обращался к начальству Пасечник – невысокий седой круглолицый незаметный человек с тихим голосом. – Мне кажется, что утечка информации несет в себе большую опасность, чем утечка «материала». С «материалом» страна так или иначе справится, а вот если удастся связать нашу компанию с этой самой утечкой, то замять скандал не получится. Сядем все. И на волю не выйдет никто.

Бурко стоял у огромного французского окна своего домашнего кабинета и смотрел сверху на двор, где возле подъезда стояли три черных «Лэндкрузера», которыми пользовалась служба безопасности его концерна, и скромный «Ниссан Примера», на котором ездил Пасечник, если был не на службе. Одной из черт бывшего генерала, которая импонировала Бурко, была страсть оставаться в тени, не лезть на глаза публике.

– Александр Васильевич, боюсь, что все намного хуже, чем вам кажется, – заговорил Бурко, отвернувшись от ок-

на. – Если «материал» вырвался за пределы лаборатории, то остановить его не сможет сам Всевышний. Коля Домбровский со своими аналитиками просчитали эту ситуацию уже давно, по моему заданию. Для наших такие результаты внове, но кое-кто в Америке их уже получал. Получил, испугался и прекратил опыты.

– Так вы Дегтярева втемную использовали? – уточнил Пасечник.

– Не совсем. Его направили по следам предшественника, но всего остального он добился сам, – Бурко замолчал, потер лицо ладонью. – Так о чем это я? Да, вот о чем: между понятиями «выход материала за пределы лаборатории» и «конец существующей человеческой цивилизации» можно ставить знак равенства. И сейчас это случилось. Поэтому я не вижу смысла заниматься чем-нибудь еще, кроме «Ковчега». Распорядитесь, чтобы через сутки максимум все было готово. Думаю, что эти сутки у нас еще остались. Проинструктируйте людей, объясните, что нас ожидает, пусть готовятся к эвакуации.

– Хорошо. Немедленно приступаю, – ответил Пасечник и вышел из кабинета.

Бурко остался в одиночестве и снова подошел к окну. Он увидел, как вышедший из дома Пасечник уселся в один из служебных внедорожников вместе с двумя охранниками, и машина поехала к воротам. Остальные машины остались у подъезда дома – Пасечник усилил охрану резиденции хозя-

ина, поэтому во дворе попарно прохаживались два патруля в черной форме, с дробовиками на плечах. В распоряжении СБ концерна «Фармкор» имелось оружие и посерьезней, но Пасечник решил, что пока не следует нарушать установленные для частной охраны правила. Мало ли чем это обернется в преддверии грядущего хаоса.

Бурко задумался. Никто посторонний не смог бы догадаться, что сейчас ощущает этот человек. Скорбь? Беспокойство? Страх? Разочарование? Предположил бы и попал пальцем в небо. Или в задницу – это уж у кого как. А Александр Бурко ощущал радость. Самую настоящую. Она охватывала его какой-то легкой, пронизанной мелкими электрическими искрами волной, он словно готов был взлететь.

Всю свою жизнь нынешний олигарх занимался не тем, чем ему хотелось заниматься, а тем, к чему его вынуждали обстоятельства. Саша Бурко с детства мечтал о приключениях, зачитывался книгами великих путешественников и авантюристов, а сам при этом получал пятерки в школе, учился в институте, защищал кандидатскую диссертацию, работал с утра и до позднего вечера, исполнял «светские обязанности», которые тяжело и злобно ненавидел. Когда в его руки попал «материал», как он его именовал, которого он добивался, после того как узнал о результатах некоего американца, он обратился к Домбровскому. И друг детства Александра, Коля Домбровский, гений системного программирования и системной же аналитики, смоделировал ситуацию,

что будет, если «материал» покинет пределы лаборатории. С вероятностью «единица» получался конец света.

Бурко пообещал Домбровскому усилить меры безопасности и... ничего не стал делать, а доступ к выводам аналитиков закрыл. Зато отдал Пасечнику распоряжение об активизации деятельности по плану «Ковчег».

О «Ковчеге» следует рассказать отдельно. Еще года три назад, когда «Фармкор» окончательно превратился в транснациональную компанию, а его отделения разбросало по всей стране да и по всему миру, Бурко решил создать на базе своей достаточно компактной и эффективной для того времени службы безопасности небольшую армию. Дело в стране шло к тому, что рано или поздно частные военные компании должны были стать легальными, как произошло уже во многих местах на Западе. Пример того же «Блэкуотер» или «Эринис» впечатлял. Но пока еще властное «добро» на это не поступило, даже для «Газпрома». И как это сделать и при этом не попасть в тюрьму? Такого бы и олигарху не простили. Но если ты сделаешь это первым и будешь готов к моменту легализации первым же оказаться на рынке этих услуг – рынок твой.

Кроме того, Бурко, по своему характеру, всегда ждал и был готов к неприятностям. Любым. Немилости властей, революции, эпидемии, пришествию инопланетян и четырех всадников Апокалипсиса. Никакая аналитика и прогнозы в стиле «все будет хорошо» его ни в чем не убеждали. Поэто-

му, наряду с армией, он хотел создать для нее серьезную базу.

Выход предложил сам Бурко, а доработал и претворил в жизнь Пасечник. Пасечник обратился к своему другу и бывшему сослуживцу, тоже генерал-майору, Александру Богданову, который сейчас служил в системе Федеральной службы исполнения наказаний.

В последние годы это ведомство, принадлежащее Минобразования, обзавелось собственным спецназом, который даже действовал в первую и вторую чеченские войны на территории мятежной республики. Появились опытные и обстрелянные кадры. И тогда, в рамках помощи «бизнес – правоохранительным органам», совершенно официально и при поддержке высокого федерального руководства, на территории Тверской области, к северу от областного центра и совсем рядом с новой фармацевтической фабрикой, принадлежащей концерну «Фармкор», появился так называемый «Центр подготовки сил специального назначения Главного управления ФСИН».

Компания Бурко, не скупясь, оплатила обустройство полигонов, весьма комфортабельных казарм, на самом деле – семейных общежитий, построила боксы для техники и склады для вооружения. Службу в Центре несли исключительно «контрактники», которых лично отбирал Пасечник и которые, на самом деле, никакого настоящего отношения к ФСИН не имели, за исключением формы и документов. Все они

прекрасно понимали, что служат в «Фармкоре», который и платит им настоящую, полноценную зарплату помимо той, что они получали через финчасть.

Затем настала пора закупки оружия и техники. Бурко не скупился и на это. Центр получал все самое лучшее и самое современное из того, что выпускалось в России. ФСИН был бы счастлив, если бы из этого ему что-то и вправду попадало, а не оставалось на складах Центра. Бурко поначалу хотел закупать что-то и на Западе, но Пасечник его быстро отговорил. Российские образцы в большинстве случаев были лучше западных, просто у военных ведомств не хватало средств для того, чтобы снабжать ими войска. А у Бурко средств хватало. К тому же закупка западных образцов для российского ФСИН выглядела бы подозрительно.

Затем Центр начал проводить семинары по спецподготовке для сотрудников частных охранных структур, которые стоили невероятно дорого. Стоит ли добавлять, что обучались в Центре исключительно люди из СБ «Фармкора» и еще одного дочернего охранного агентства, а оплата услуг Центра позволила легализовать финансовый поток между двумя никак не связанными официально между собой структурами. Центр приносил прибыль ФСИНу, поэтому никто не рвался его проверять или закрывать. Да и не дали бы так поступить союзники главы «Фармкора» в этом ведомстве.

Что же до самого ФСИН, то те люди, которые могли задать вопросы, получали щедрое ежемесячное вознагражде-

ние и вопросов не задавали. Центр же продолжал усиливаться, совершенствоваться, укрепляться и к настоящему времени превратился в настоящую крепость, на складах которой в полной готовности хранились оружие и техника, которых хватило бы на целую бригаду легкой пехоты. Продо-вольственные склады могли кормить не одну тысячу человек, и не один год, а достаточно было обрушить пару секций бетонного забора, как Центр получал прямой проход на территорию фабрики, сливаясь с ней в единую огромную территорию, которую при необходимости можно было укрепить за один день.

Зачем это все? Пасечник лишних вопросов не задавал, удовлетворившись прямым указанием Бурко и объяснением о предстоящей легализации частных военных компаний, а сам же глава компании «Фармкор» ждал «чего-то». Ждал и всегда хотел этого. Что хорошего в том, чтобы быть одним из многих богатых людей в этом мире? Богатство не развеивает скуку, и скорее оно управляет тобой, чем ты им. Богатство заставляет тебя делать то, что тебе делать не хочется, льстить людям, которых тебе хочется просто послать, посещать места, навевающие на тебя тоску.

А Александр Бурко хотел совсем другого – жизни яркой и полной опасностей, как в раннем Средневековье, когда люди ощущали себя в безопасности лишь в крепостях и замках, когда каждый правитель имел право жизни и смерти над каждым. И когда Бурко узнал, во что превратит мир имею-

щийся у него «материал», он лишь удвоил выделяемые на создание своей армии средства. Планировал ли он что-то совершить с «материалом»? Он и сам не знал. Скорее всего, нет, но вдруг... А может, и планировал, чего уж теперь скрывать. Все равно все произошло без его участия, надо лишь правильно воспользоваться плодами.

Теперь территория Центра, расположенного на берегу Волги, могла вместить в себя несколько тысяч человек, защитить их и прокормить. Бурко создавал эту базу, исходя из того, что там соберутся не только бойцы его армии, но и их семьи, жены и дети, и только за то, что все эти люди получают безопасное убежище среди всеобщего хаоса и падения мира, Бурко рассчитывал получить от них взамен абсолютную лояльность. Свое княжество, свой народ.

И было кое-что еще... «Материал». Тот самый, который мог вызвать вселенский катаклизм. Он же мог дать и вакцину против самого себя. Тот же, кто будет владеть вакциной, будет владеть и грядущим миром. Именно поэтому Пасечник и поехал в институт на Автопроездной. За «материалом». Если бы Бурко устроил все это сам, «материал» уже хранился бы у него в сейфе.

# Крамцов Сергей, аспирант

*20 марта, вторник, вскоре после полуночи*

Ненавижу, ненавижу, когда меня будят вот так, лишь дав уснуть. В последний раз такое со мной проделывали без риска для жизни лишь мои командиры. И наряд дурным криком: «Рота, подъем!»

Спросонья я схватил телефон с прикроватной тумбочки, тупо посмотрел на мерцающий экранчик. «Шеф». Ох, не нравится мне такой звонок, да в такое время, да еще на фоне недавних событий. Я ткнул пальцем в кнопку «Прием». Спать уже не придется, я это чувствую.

– Доброй ночи, Владимир Сергеевич, – пробурчал я в трубку.

– Недоброй, Сережа. Недоброй. Приезжай в институт.

– Что случилось?

– Кто-то взорвал бомбу. Виварий разбежался. Хранилище уцелело, правда.

Как будто ведро ледяной воды вылили на спину, и она побежала вниз от затылка, окатывая все тело. Дыхание перехватило так, что следующую фразу я смог из себя выдавить только через минуту, да и та большой глубиной мысли не отличалась:

– Куда... куда разбежались?

– В город, Сережа. Забор разрушен, вот они и разбежа-

лись.

– Все животные?

Вопрос – лучше некуда. А если не все, а только часть – мы что, спасены?

– Все, Сережа. И они успели перекусать друг друга, перед тем как разбежаться окончательно.

– Кто-то укушен из людей? На кого-нибудь напали? – спросил я осторожно.

– Нет вроде бы... – Дегтярев явно задумался. – У Коли Минаева рука перевязана, я забыл спросить, что случилось.

Он забыл. Профессор Дегтярев в своем ампула. Что он еще забыл? Забыл, чем это может закончиться?

– Я сейчас приеду, а вы обязательно спросите. Милиция уже там?

– Только приехали.

Я задумался. Затем сказал то, что уже помочь не могло. Сказал, чтобы что-то сказать.

– Пусть убивают обезьян. Плевать на нас, скажите, что вырвались чумные животные или еще что-нибудь. Пусть объявляют карантин, чрезвычайное положение, что угодно. Можно даже наврать, лишь бы остановить бедствие.

– Я понимаю, Сережа, именно это намерен сделать.

Дегтярев отключился, а я пару минут неподвижно смотрел в пространство перед собой. Конечно, можно было сказать самому себе, что все образуется, что животных изловят, что ничего страшного, но это не так, и я это понимал. Я во-

обще не дурак. И я понимаю лучше всех в этом мире, что случилось, потому что я знаю, что вырвалось на свободу.

В город вырвались зараженные животные, причем с явно выраженной склонностью к агрессии. Если крысы-зомби на людей реагировали слабо, предпочитая бросаться на своих товарок, то обезьяны пытались атаковать всегда, когда была возможность. Но зараженные крысы станут источником заразы в городе. Другие крысы, вороны, голуби, кто угодно, разнесут заразу дальше. Что это значит, если говорить честно? Это значит, что начинается апокалипсис и следует быть готовым к худшему.

Я сел на кровати, помотал головой, сгоняя остатки сна. Так, спешка хороша при поносе и ловле блох, но сейчас она нам только будет мешать. Попробуем разложить ситуацию на составные части. Например, сейчас я поеду в институт. Чем я там буду полезным, кроме того, что буду с шефом хором жалеть о случившемся? Ну возьмут сначала у меня показания назначенные к тому должностные лица из соответствующих органов. А затем возьмут меня под стражу. Почему? Потому, что фигура ученого, занимающегося опытами со смертельно опасными вирусами в центре гигантского мегаполиса, слишком соблазнительная добыча. А зараза уже вырвалась наружу, мой арест вовсе не сможет ее остановить. Зато снимет ответственность с ведущих следствие. Они «отреагировали». Какая от меня будет польза, если я проведу ближайшие дни в камере с бродягами, а потом, когда бед-

ствие охватит весь город, на мне сорвут злость? А никакой. И для себя самого – в особенности.

Другой вариант – меня не берут под стражу, а связи господина Оверчука простираются так высоко, что милиция не среагирует на происшествие. Тогда я попадаю в списки лиц, знающих о том, что частная компания вела опасные эксперименты в городе. Долго я так проживу? Сложно сказать, но не думаю, что тот же Оверчук сильно задумается, если получит команду на ликвидацию свидетелей. Идеализмом компания «Фармкор» и лично господин Бурко никогда не страдали. Им по должности не положено.

Третий вариант – Оверчук проявляет высокую гражданскую сознательность, шеф проявляет сообразительность, органы не прикрывают задницы бумажками, а включаются в работу, и благодаря этому государство предпринимает все, чтобы остановить опасность. Тогда они справятся и без меня. Не велика шишка, какой-то аспирант-биолог.

Несмотря на то что по сюжету любой книги аспиранту Крамцову следовало быть наивным деятелем науки, идеалистом и книжным червем, на деле я совсем не такой. Разве что определение «книжный червь» ко мне еще как-то подходит. А так мой жизненный опыт давным-давно излечил меня от наивности, а освободившееся место заполнил здоровым цинизмом. «Не верь, не бойся, не проси» – истина не только тюремная, но и простая житейская. Из этого и будем исходить. Не верим никому, не боимся ничего, а просить нам и

так некого. На хрен мы кому нужны?

Я натянул растянутую футболку и спортивные брюки, в которых обычно ходил на тренировки, и босиком прошлепал на кухню, варить кофе. С кофе лучше просыпается и лучше думается. Пожужжал кофемолкой, набил металлический фильтр, нажал на кнопку с нарисованной кофейной чашкой. Темная струйка крепкого «эспresso» полилась в чашку.

Итак, чего следует ожидать? Главный вариант один – конец света. Я два дня и так крутил ситуацию на случай утечки заразы, и эдак, и все равно выходил конец света, других вариантов нет. А тут и утечка случилась. Винить в этом себя или того же Дегтярева не хочу – никто такого результата не ждал и не планировал, «Шестерка» в своем исходном виде безопасен стопроцентно. А что случилось в институте, что взорвалось – не знаю. Лично я ничего там не взрывал. Зато я знаю, что через пару – тройку дней Москва станет одним из самых смертельно опасных мест в мире. Почему? Да потому что здесь больше десяти миллионов потенциально инфицированных. Ад развернется именно здесь. Что из этого далее следует? Что могут перекрыть въезды и выезды из города. И перекроют наверняка. Из этого и будем исходить.

От скончавшейся четыре года назад бабушки мне осталась дачка на шести сотках по Ленинградскому шоссе, в пятидесяти километрах от столицы, в самом простом «институтском» садовом товариществе, без нормальной дороги, далеко от станции. Сейчас март, все раскисло, грязи там по ко-

лено. Но это как раз не проблема, мой «Форанер» пролезет там, где и танк завязнет. Зато как загородная база для дальнейших действий дача подходит лучше некуда. Печка у меня там есть, даже баня есть, и с последних заработков я там все очень даже неплохо отремонтировал.

Если честно, я только после устройства на работу в «Фармкор» зажил по-человечески. Спасибо Дегтяреву, который меня с первого курса тащил и на работу еще студентом взял, диплома не дожидаясь. Платят они очень хорошо, грех отрицать. Просто невероятно много для обычного аспиранта, хотя какого-нибудь «специалиста по ценным бумагам» такая сумма даже зад оторвать от стула не подвигла бы. Но мне, с моими запросами, хватало за глаза. Квартиру, эту самую, на «Бабушкинской», на улице Изумрудной, что еще от родителей осталась, до ума довел. Не «евроремонт» так называемый, но все чисто и симпатично, все своими руками. Ну что сумел, разумеется. Сам стенки между комнатами ломал, сам белил, сам красил, сам обои клеил, и получилась удобная студия.

Хватило и подкопить, и с друзьями скинуться, чтобы «бизнес» завести – магазинчик снаряжения, пусть и маленький, но все же что-то приносящий. Правда, все, что приносит, на оплату кредита уходит, без него все же не обошлось. Думали, что потом отобьется, но...

Ладно, собираться будем и начнем с самого важного. Подставив табурет, я залез на антресоль и извлек оттуда ружье

в чехле. Очень хороший ижевский помповик МР-133, «мура», если по-простому. Его мне все тот же Леха, друг мой, насоветовал. До того как он взялся с недавних пор заправлять своим собственным магазином, он оружейником в гарантийке работал. Сам выбрал, сам провел требуемый «напилинг» после того, как я отходил всю требуемую процедуру от участкового до магазина.

Короткий ствол, чуть длиннее пятидесяти сантиметров, с кронштейном под фонарь, сам фонарь, удлинённый магазин, вмещающий шесть патронов 76 мм, то есть «магнум». Хорошее оружие. Пять коробок патронов, с восьмимиллиметровой картечью, у меня имеются, по десять патронов в каждой. И еще пять с дробью «четыре ноля», то есть по пять миллиметров, что не хуже картечи. Так что сто полноценно-боевых патронов у меня есть. Уже сало.

Еще чехол не слишком тяжелый, в котором лежит ижевская мелкашка «Соболь» с прицелом «Барска». Не супер, но после доводки и «напилинга» вполне нормальная игрушка для стрельбы по банкам. Мы с Лехой на природе частенько соревнования устраивали, поскольку у него тоже мелкашка имеется. К ней у меня патронов еще сотни четыре, расход двадцать второго калибра всегда был у нас высоким, так что закупался при любом удобном случае.

Затем новый чехол появился на свет. Не удержался, раскрыл – последняя гордость, свидетельство того, что я достоин пять лет владения гладкостволом. Нарезное, одновременно

с «Соболем» купил. С виду ни на что не похоже: полимерная ложка цвета хаки, телескопический приклад, как на американском карабине М4, а на самом деле – «глубокий тюнинг» ижевского СКС<sup>1</sup> выпуска 1954 года, выбранного вручную и проверенного всеми возможными способами.

Полимерная американская ложка от «ТАРСО» установлена неизменным Лехой. На цевье сверху и с боков планки под всякое. На верхнюю ставлю коллиматорный прицел «BSA». Лично мне так даже больше нравится, чем близкая установка, – быстрее целишься. А оптический «Bushnell» с переменной кратностью ставится нормально – на этой ложе еще и крепление под него предусмотрено, вместе с отражателем стреляной гильзы, чтобы по оптике не колотила – у СКС она вверх вылетает.

Снизу и сбоку цевья еще по планке, на которые есть фонарь и сошки. На стволе компенсатор, как у АК-74. И магазин в два раза больше стал, теперь на двадцать патронов, торчит эдаким изогнутым пластиковым огрызком. Да еще и отъемный, у меня таких шесть штук. С прицелом и отражателем обойму в карабине теперь не заполнишь сверху. Плохо, что сменить его невозможно, пока затвор на задержку не встанет. Это, правда, не так чтобы законно, скорее и вовсе незаконно, но есть и десятизарядные, «парадные», парочка всего.

И поди узнай теперь старичка Симонова. Серьезное и

---

<sup>1</sup> Самозарядный карабин Симонова.

вполне современное оружие получилось. Ладно, не о том речь сейчас. Пересчитал только патроны по-быстрому – больше трех сотен имеется. Нормально.

Заряжать ничего не стал. Не положено нам перевозить заряженное оружие. Если остановят, то будут проблемы. Оружие – отдельно, патроны – отдельно. Что еще? Коробка с батарейками разных размеров – в сумку. Tактический фонарь для дробовика с кронштейном. Два ножа, один армейский, с вороненым лезвием и рубчатой резиновой рукояткой, второй – тяжеленный золингеновский тесак, которым башку срубить можно. Тесак дорогуший, но мне его подарили, сам бы ни в жизнь не купил. Поверх всего – отличный восьмикратный бинокль «Штайнер» с многослойным просветлением, компактный и крепкий, в сумерках чуть ли не как ночник работает, а стоит меньше пяти тысяч рублей. И гвозди им заколачивать можно – такой прочный.

Откуда у меня это все? Зачем столько? Во-первых, для охоты и поездок в глухомань, а во-вторых... А вот на случай, если такой, как сейчас, Великий Пушной Зверь придет. И, в отличие от всех остальных, я к его приходу если и не готов на сто процентов, то встречать мне его легче, с оружием, запасом патронов и с отличной экипировкой. Невелик был труд разрешения и справки собрать. А все это купить – даже не труд, а удовольствие. И на стрельбище в Алабине я немало времени провел, и тоже, судя по всему, не зря. И в машине у меня еще два топора разных размеров, лопата и пила.

В кучу на кровати в спальне полетели вещи и обувь. Нашлась охотничья разгрузка подвесная под патроны двенадцатого калибра. А вот под СКС не удосужился пока запасть, но это исправимо. Дай только до нашего магазина добраться, а там...

И сам я оделся заодно, по принципу «и в пир, и в мир, и в добрые люди». Теперь только куртку накинуть, и можно выскакивать из квартиры. Упаковал рюкзак и две большие спортивные сумки. Сумки пока брошу в прихожей. Подгоню машину к дому и затем их вынесу. Еще что? В холодильнике пусто. Только два пакета кофе в зернах, я их в рюкзак закинул. Надо будет едой запасть.

Теперь «дачный медианабор». Портативный телевизор и радиоприемник. Без этого никак теперь нельзя, и вообще все куплено специально для дачи. А оставлять у нас там что-то ценное не стоит. И бомжи там шарятся, и шпана из окрестных деревень, так что «все свое вожу с собой». Ну и последнее – ноутбук. Я на него скачал все, что есть у меня в лабораторном компьютере, так что может пригодиться. Все, можно идти.

Я натянул охотничью двухслойную куртку, привычную еще с армии круглую вязаную шапочку системы ШПС («шапка-пидорка спецназовская»), повесил на спину рюкзак, на плечо – чехол с ружьем, патронами и запасными стволами-прикладами и вышел в подъезд. Спустился на лифте, вышел на улицу из нашей допотопной панельной «свечки»

и пошел в сторону стоянки.

На улице было необычно тепло для конца марта, я даже куртку расстегнул. Это плохо. При понижении температуры зомби теряют активность, они же, как ни крути, а «холодно-кровные», а тут, как назло, потепление. На часах уже второй час ночи, в нашем районе – никого, пустота на улицах. Ну и хорошо, зато если кто ненужный подъедет к моему дому, то будет как на ладони.

Прошел через сквер, где выгуливают ранним утром собак, срезал по дорожке через газон и через пять минут зашел в ворота стоянки. Сторожем был Федотыч – болтливый, но бдительный мужичок, всегда вкусно пахнущий водкой. Мы с ним были в хороших отношениях, и ему я «слил» версию о том, что уезжаю на охоту далеко-далеко, поэтому и выезжаю в ночь. Он пожелал мне «ни пуха ни пера», я ответил ему традиционным «к черту» и пошел к машине.

Вот он, моя главная надежда на спасение, – старый добрый «Форанер» с трехлитровым дизелем. Купил я его сам, аж в Испании, куда в первый и последний раз съездил в отпуск со своей девушкой. Купил по объявлению в маленьком городке возле Мурсии, выложив за него семь тысяч евро, которые честно скопил за три года. Машина оказалась и вправду в хорошем состоянии, хоть и было ей восемь лет, довезла меня до Москвы без проблем и в процессе растаможки не сильно убила мой бюджет. А уже потом, в течение двух лет, я окончательно довел ее до ума, проведя умеренно-ра-

зумный внедорожный тюнинг, такой, чтобы и по городу ездить не мешал.

Служила она мне верой и правдой, возя и на работу, и на рыбалку. Да и отпуска мы проводим в Архангельской области, без дорог и удобств, зато с кострами и палатками, с рыбалкой и охотой. В общем, много полезного мне оплатила компания «Фармкор», грех отрицать.

Машина была холодной, трехлитровый дизель затарахтел, как тракторный, и прогрелся уже тогда, когда я заехал к себе во двор. Следов присутствия посторонних вроде не было, поэтому я спокойно смог по одному перетаскать с балкона запасные колеса, закинув их на верхний багажник и закрепив, после чего выехал из двора, увозя в багажнике все приготовленные к эвакуации сумки и чехол с карабином.

Прерывисто завибрировал мобильный телефон, показывая, что пришло текстовое сообщение. Я достал его из кармана, ткнул в кнопку под значком «Читать». На светящемся экране появился текст сообщения от шефа: «Сережа, не приезжайте. Все идет плохо. Если ситуация исправится – я вам позвоню».

Вот как. Вот так. Я на ощупь натыкал «Понял» и отослал в ответ. Все понятно. Все идет плохо, если даже шеф это понял. Наверняка приехал Оверчук, и все пошло не так, как должно было идти. Или приехали менты, и все пошло наперекосяк. Или еще что-нибудь. А насчет личности замдиректора по безопасности я не заблуждался ни на секунду. Такие

люди, как он, созданы специально для того, чтобы скрывать происшествия, а не исправлять последствия. Оверчуку плевать, чем все закончится, главное — чтобы «Фармкор» к ответственности не притянули.

И что мне теперь делать? Звонить самому? Шеф вообще эсэмэсками не балуется, если уж соизволил послать, то наверняка говорить сейчас не может. Звонить в другие места? В МЧС? В милицию? И что сказать? Что трупы скоро восстановят? И что мне там скажут? Куда-куда я пошел? Вот гадство... Не знаю я, что делать. Точнее, знаю, но не «глобально». Знаю, что мне нужно снять все наличные, какие есть у меня на счету. Я в этом мало что понимаю, но в кино видел, как людей по кредиткам вычисляют и как беглецам эти самые кредитки блокируют. Хорошо, что у меня карта без лимита снятия наличных.

На проспекте Мира остановился у банкомата в стеклянной кабинке, где весь пол был завален чеками, и в шесть заходов опорожнил свой счет. Снял и рублями, и долларами, получилось больше трех тысяч «убитых енотов». Хорошо, что в последнее время я не «оголтевал» с расходами, вот и поднакопилось за несколько месяцев.

Распихал наличные в карманы, вернулся к машине. Ну что, на дачу? Или подъехать к институту, посмотреть изда- лека, с пустыря? Там есть где с машиной спрятаться и откуда подсмотреть. Любопытство убило кошку, но я не кошка все же, и я аккуратненько. Может, пойму, что хоть там взорва-

лось? Да и хочется все же шефа подстраховать, как он там справляется без меня? Он меня только не усыновил разве что, а так я у них дома времени провел не меньше, чем у себя.

А завтра мне обязательно надо в «Стрелец», к Лехе с Викой. Да и девушка у меня есть, я уже о ней говорил. Надо и о ней подумать, хотя... девушка у меня детский тренер по дзюдо, сама о себе позаботиться может. Нет, не в этом случае, тут уже никакое дзюдо не поможет.

Не скажу, люблю ли я ее, но мы друг к другу привыкли и уже два года вместе. Хотя о свадьбе речь никто из нас не заводил – каждый доволен своим свободным состоянием. Она периодически живет у меня, когда ей удобно, и так же периодически живет у себя, в снятой квартире в Матвеевском. Как бог на душу положит. Тренирует детские группы на Ленинградке в большом спорткомплексе, а основное место работы у нее в Крылатском, в магазине, торгующем японскими мотоциклами, квадроциклами, лодочными моторами и аквабайками.

Ночью движение было слабым, и уже через пятнадцать минут я припарковал машину за кустами, в сотне метров от задней стены НИИ, где теперь красовался пролом в два пролета. Плиты упали плашмя на тротуар, расколовшись и засыпав все вокруг бетонной крошкой, а образовавшаяся в заборе прореха была огорожена полосатой лентой. На проезжей части стояли два маленьких заборчика с желтыми маяками

и знаками, показывающими, как объехать препятствие. Значит, милиция с этой стороны уже отметилась. Я достал из сумки бинокль и навел его на пролом – там, с дробовиком на плече, маячил Олег Володько. Вот и понаблюдаю.

# НИИ. Охрана

*20 марта, вторник, вскоре после полуночи*

Рука у Николая Минаева уже почти не болела, что удивляло, но его подташнивало, во рту было сухо, а свет причинял неудобства. Он даже был рад, что электроснабжение института не восстановится до утра, потому что свет от фонарей резал глаза, они сильно слезились, и хотелось спрятаться в самый темный угол. Он смиренно отвечал на вопросы прибывшего милицейского следователя, но при этом хотел лишь одного – тишины и темноты. Следователь расположился со своей папкой прямо во дворе, на капоте милицейского «уазика», который все же сумели запустить внутрь, где и допрашивал всех, бывших на территории института. Когда он закончил с Николаем, тот вздохнул с облегчением и пошел в здание. Делать в здании ему было нечего, но там было совсем темно.

Николай поднялся на второй этаж и столкнулся с Дегтяревым, который спускался по лестнице вниз, подсвечивая себе фонариком. Дегтярев остановил Николая, придерживав его за рукав:

– Коля, я вот о чем хотел вас спросить... а что у вас с рукой?

– Порезался стеклом, – отмахнулся Минаев.

– Никто не укусил? – чуть нахмурясь, уточнил Дегтярев.

– Нет, что вы, – вполне правдоподобно изобразил удивление Николай.

Дегтярев кивнул и пошел дальше. Николай чувствовал, что он допускает страшную ошибку, может быть, даже самую большую в своей жизни. Он был достаточно сообразителен, чтобы связать свое плохое самочувствие с вкусом бешеной обезьяны, но желание тишины, покоя и темноты было настолько сильным и всеобъемлющим, что ему проще было соврать. Только бы спрятаться куда-нибудь, неважно, что случится потом. Хоть смерть, но сейчас он должен был отдохнуть.

Открыв дверь одного из кабинетов, в котором обычно квартировал Джеймс Биллитон, когда находился в Москве, Минаев прошел внутрь, закрыв за собой дверь, сел за стол, во вращающееся широкое кресло. Но туда падал свет из окна, и Минаеву он мешал. Тогда он перебрался в угол кабинета, куда не попадал ни один луч света, и улегся прямо на пол, на ковровое покрытие, свернувшись калачиком. Как ни странно, в такой позе зародыша он почувствовал себя лучше. Голова закружилась даже сильнее, но головокружение не было неприятным, скорее, наоборот, каким-то плавным и убаюкивающим.

Николай прикрыл глаза и почувствовал, как приятное онемение охватывает все его тело, и он даже не чувствует под собой жесткого пола, а как будто плывет куда-то в полной невесомости. Тошнота тоже начала уходить, и ее место

занимала блаженная дрема. Очень хотелось спать, и появилось ощущение безопасности. Николай нашел то место, где наконец ему станет спокойно и удобно и никакой свет ему уже не мешает. В какой-то момент он вдруг понял, что умирает, но затем эта мысль показалась ему нелепой – умирать должно быть неприятно, а сейчас ему стало по-настоящему хорошо.

И так он лежал, тихо-тихо, и вскоре сознание оставило его навсегда, а за ним ушла и сама жизнь. Остывающее тело неподвижно лежало на полу, до тех пор пока дверь не открылась и кто-то не вошел в темный кабинет.

# Дегтярев Владимир Сергеевич

*20 марта, вторник, вскоре после полуночи*

Оверчук как раз «решал вопросы» с милицией, поэтому Владимир Сергеевич был один, когда столкнулся с подъехавшим на такси Джеймсом Биллитом. Тот был бледен, взволнован, путал русские слова с английскими и вообще выглядел так, как будто его привезли на расстрел.

– Владимир, это правда, что животные разбежались?

– Это правда, Джеймс, – кивнул Дегтярев.

– Что мы должны делать?

В голосе американца проскальзывали панические нотки, казалось, что он вот-вот сорвется на крик.

– Оверчук берет все на себя, но я ему не верю, – вздохнул Дегтярев. – Он скорее нас перестреляет, чтобы мы не проболтались, чем этих обезьян. Я сейчас буду звонить всем, кто с этим хоть как-нибудь связан. Пусть объявляют комендантский час, чрезвычайное положение, карантин, что угодно, но это следует остановить. Вам тоже следует предупредить своих, в Америке. Вы не давали еще туда наши новые результаты?

– Нет, я жду отчета от Сергея, – покачал головой Биллитон. – Меня же попросят обратиться к психиатру, если я позвоню им и скажу, что у нас мертвые обезьяны питаются живыми. Надо будет отправить видеоматериалы, отчет и все,

что у нас есть.

– Это верно. Я тоже не буду говорить, что некоторые из разбежавшихся животных мертвы. Скажу, что они просто носители опасного заболевания.

– Кому вы собираетесь звонить? – спросил американец.

– Своему руководству, – задумчиво сказал Дегтярев. – Начну с них, по крайней мере. Если они не смогут расшевелить городские власти, то я тоже не смогу. Если я сейчас расскажу об этом следователю, то он меня арестует, меня продолжат в камере как минимум до утра, а затем время будет безнадежно упущено.

– Почему вы так думаете? – удивился Биллитон. – Опасность слишком высока, чтобы просто держать вас в камере.

– Именно поэтому, – усмехнулся Дегтярев. – Следователь должен показать, что он «прореагировал» на сигнал опасности. Он запрет меня в клетку и сядет писать свои рапорты, протоколы, не знаю, что они там в таких случаях пишут. Потом он потребует привести меня к нему и будет старательно подгонять дело к тому, что он лично ни в чем не виноват. Все. Это нормальная бюрократическая реакция. Я лучше бы обратился к военным.

– У вас же есть военные на связи. Из этого, как его... закрытый город...

Американец закрутил пальцами, пытаясь вспомнить недавнее слово.

– Горький-16, – подсказал Дегтярев.

– Верно, – кивнул тот.

– Попробую им позвонить, я сразу не подумал, – согласился Дегтярев. – Там даже не знакомые, а мой лучший друг и однокашник. Может быть, они сообразят быстрее, что следует делать. И надо найти диски с видеозаписями с камер слежения в виварии. Мы делали копии, и они должны быть где-то в лаборатории. Если мы пошлем эти записи, то нам поверят быстрее. И в любом случае я не буду им звонить, пока Оверчук рядом. Если и есть люди, которым я доверяю меньше, то я с ними незнаком.

– Понимаю. В крайнем случае, попробуем действовать через меня. Я поднимусь к себе в кабинет, поищу записную книжку и диск со своим отчетом. Может быть, это поможет заставить кого-то двигаться быстрее.

Биллитон повернулся, чтобы уйти, но Дегтярев остановил его и спросил:

– Дать вам фонарик? Света нет и до утра не будет.

– А как же вы?

– Я возьму у охраны. У них есть несколько.

– Тогда давайте.

Биллитон взял фонарь у Владимира Сергеевича и убежал в здание, а Дегтярева окликнул следователь, так и стоявший со своими бумагами у капота милицейской машины.

– Владимир Сергеевич, когда сможете уделить мне внимание?

– Послушайте... – тяжело вздохнул ученый. – Давайте я

завтра приеду к вам, в ваш кабинет, и все расскажу, что знаю. Меня все равно здесь не было во время взрыва, я ничего не видел, а сейчас у меня на руках чрезвычайная ситуация. Нет электричества, отключились холодильники с культурами, вся работа летит в тартарары. Войдите в мое положение. Надо спасти ситуацию.

Следователь задумался. Разумеется, есть определенный порядок, но он был все же нормальным человеком и понимал, что таскать на допросы людей, у которых в этот момент дом горит, не всегда разумно. Налицо сам факт взрыва, известно, что взрывное устройство забросили с улицы, и забросил его не директор. Ему уже отдали кассету с записью с камер слежения, где взрыв запечатлен, а значит, будет видно, как бомба попала во двор. Эксперты уже были, взрывотехники – тоже, чего же еще требовать? Так стоит ли сейчас приставать к людям и мешать им работать? Не стоит.

– Хорошо, – кивнул следователь. – Скажите мне лишь одно: кто это мог сделать, по-вашему?

– Не знаю, – пожал плечами Дегтярев. – Или просто хулиганы, или «зеленые», Гринпис какой-нибудь. Здесь проводились эксперименты на животных. Других теорий у меня нет. Животные разбежались.

– Это опасно? – насторожился следователь.

Дегтяреву хотелось сказать: «Это настолько опасно, что я посоветовал бы тебе, парень, взять свое оружие, эту машину, погрузить в нее свою семью, или только жену, кто там у тебя,

если я вижу только обручальное кольцо, и валить из этого города так далеко, как только сможешь». Но Владимир Сергеевич этого не сказал. Почему? Для себя это он обосновал тем же, чем обосновывал это Биллитону. Поднимать панику в городе должны были специально предназначенные для этого люди, а не сам Дегтярев и какой-то следователь, даже фамилию которого он не запомнил.

Но на самом деле причина была другая – страх. Страх того, что следователь скажет: «Чем же вы, сволочи, здесь занимались, в центре моего города?» Страх того, что его сразу поволокут в камеру, а его собственная семья останется без его защиты. Страх того, что следователь достанет из-под пиджака свой пистолет, который висит там, в кобуре на боку, и просто застрелит Владимира Сергеевича, и будет прав.

Ситуацию разрешил неожиданно появившийся Оверчук.

– Здесь не работают с опасными вирусами, не то место, – решительно заявил он следователю. – Но вообще следует избегать контактов с обезьянами и крысами, хотя бы из целей обычной осторожности. Обезьяны переносят массу болезней, опасных для человека. Даже СПИД, судя по всему, появился от них. Эти «зеленые», когда устраивают что-то подобное, меньше всего задумываются об окружающих, им лишь бы себя проявить. Я только что разговаривал с вашим руководством, они сказали, что все остальные действия мы можем перенести на завтра. Официальная версия – взрыв газового баллона. Ваши уже привезли и поставили знак, ого-

родили все лентами, а у меня с той стороны человек дежурит.

– Но завтра я хотел бы видеть вас у себя. – Следовательно по-прежнему обращался к Дегтяреву, игнорируя Оверчука.

– Обязательно, – согласился тот. – А сейчас извините, у меня хлопот выше головы.

– Понимаю.

Дегтярев побежал в будку проходной, где дежурил Ринат Гайбидуллин.

– Ринат, у вас есть хороший фонарик?

– Да, конечно.

– Я хочу, чтобы вы пошли со мной. Нам надо спуститься в подвал, найти кое-что в лаборатории.

– Пойдемте.

Ринат взял из ящика стола фонарь-дубинку. Дегтярев окинул его взглядом, посмотрел на висящее на плече ружье.

– Ринат, вы бы взяли оружие в руки. – Ученый замаялся. – А то... животные хоть и разбежались, но, может быть, и не все. А если обезьяны сильно напуганы, то могут напасть, а взрыв их напугал наверняка. Увидите их – стреляйте сразу, цельтесь в голову.

– Вы серьезно? – У охранника глаза на лоб полезли. – Они вам не нужны разве?

– Они были нужны до тех пор, пока не перемешались между собой. Теперь уже эксперименты с ними невозможны. Со слов Николая знаю, что там и так все разнесено взрывами, так что стрелять можно. А милицию я сейчас предупрежу,

чтобы не удивлялись выстрелам.

Дегтярев удивился, как легко и просто получалось у него сейчас врать. Никогда раньше он таким умением не блистал и вообще частенько страдал в этой жизни от излишней правдивости и прямолинейности, а сейчас ложь и полуположь выстраивались в стройные ряды мгновенно, объясняя все, что требуется объяснить.

– Хорошо, Владимир Сергеевич, не проблема, – сказал охранник.

Они вдвоем вышли во двор из проходной, подошли к следователю.

– Владимир Сергеевич, – сказал тот, – мы уезжаем, выставлять дополнительную охрану не вижу смысла. У вас своих людей хватает здесь. А завтра я вас жду у себя.

– Хорошо. И еще, если вдруг кто-то сообщит о чем-то, похожем на выстрелы, не реагируйте. Мы сейчас пойдем в наш подвал, там могут оказаться животные. Некоторые могут быть ранены, некоторые агрессивны. Обезьяны не слишком хорошо переносят близкие взрывы, так что... сами понимаете. Возможно, придется их отстреливать.

– Я понял, – кивнул тот. – Удачи.

– Спасибо, – вздохнул Дегтярев. – Найдите этих идиотов, которые нам бомбу забросили.

– Постараемся.

«Да уж постарайтесь», – подумал Дегтярев, входя в темный вестибюль института. Теперь было важно найти диски,

те самые, которые помогут доказать, что Владимир Сергеевич не сошел с ума и не подсел на галлюциногены, а говорит правду. А правду пока знали только трое: он сам, Джеймс Биллитон и Сергей Крамцов. Дегтярев даже не стал звонить остальным сотрудникам института, которые пребывали в блаженном неведении относительно происходящего. И Оверчук явно не рвался их оповещать.

Ринат со щелчком сбросил флажок предохранителя, лязгнул затвором, загнав патрон в патронник. Проверил, как включается фонарь под стволом, удовлетворенно кивнул самому себе и вышел в вестибюль.

– Пойдемте, Владимир Сергеевич, – сказал он Дегтяреву. – Когда спустимся, держитесь у меня за спиной, не выходите на линию огня. Какая нам лаборатория нужна?

– Большая.

– Хорошо.

Ринат откинул приклад дробовика, который в сложенном состоянии блокировал спуск, взял оружие наперевес и пошел вперед. До прошлого года Ринат служил в Курганском СОБРе, несколько раз бывал в командировках в Чечне, попал еще в первую кампанию в ту самую бойню шестого марта в Грозном, когда погибло двадцать пять собровцев из их отряда и других, но сам выжил, а недавно неожиданно даже для самого себя женился на москвичке, уволился из милиции и через родственников жены нашел работу в службе безопасности «Фармкаора». Опыт у него был, и Ринат хорошо знал,

как следует двигаться по потенциально опасным помещениям. Директор и охранник зашли в подвальный этаж, охранник включил тактический фонарь, а директор – фонарь-дубинку, держа его выше плеча своего защитника. Ринат замер, внимательно оглядывая весь темный коридор перед собой, прислушиваясь ко всем звукам, но было тихо. Через минуту он сказал:

– Пошли.

Захрустело стекло и штукатурка под подошвами, два луча заметались по стенам и полу. Пыль уже осела, видно было далеко. Ринат за ведущего, Владимир Сергеевич за ведомого, так они дошли до двери в лабораторию.

– Бойся! – прошептал Ринат.

– Чего бояться? – спросил таким же шепотом Дегтярев.

– А, неважно, привычка, – усмехнулся тот. – Просто поосторожней, вперед меня не лезьте, когда я дверь открываю.

– Понял, – кивнул ученый.

Ринат сначала внимательно осмотрел большой зал лаборатории из дверного проема, вошел внутрь, и луч фонаря снова заметался из стороны в сторону. Это не война, противник здесь не человек, поэтому лучше все делать не торопясь, обстоятельно. Владимир Сергеевич вошел следом.

– Ринат, нам направо, к дальним столам.

Он показал рукой. Охранник кивнул, сказал негромко, не опуская оружия от плеча и обводя помещение лучом подствольного фонаря:

– Пошли.

Они снова двинулись все в такой же «связке». Волнение немного отпустило Дегтярева. Обезьян или крыс видно не было, а Ринат действовал толково и очень уверенно. Но вскоре сердце снова запрыгало у него в груди. Весь пол лабораторного зала был заляпан кровью. В лужах крови лежали какие-то ошметки плоти, клочья шерсти. Затем в луч фонаря попал почти полностью обглоданный скелет обезьяны. Ринат выматерился, затем спросил:

– Это что, ее другие обезьяны так?

– Наверное, крысы, они ведь тоже разбежались, – соврал Дегтярев.

– Сколько у вас тут крыс-то было?

– Около сотни.

– Вот черт...

Ствол дробовика приподнялся повыше, резиновый затыльник каркасного приклада сильнее вжался в плечо. Ринат занервничал. Крыс он не любил. Но они все же без потерь преодолели расстояние до стола. Там все было разгромлено, на столе тоже была кровь, коробка с компакт-дисками была вскрыта, и диски разбросаны по всему полу. Очень много крови, очень. Сколько животных было искусано другими? Всего один труп на полу, значит, остальные уже могли разбежаться по всему городу, понял Дегтярев.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.